

Совет по правам человека

Тридцать четвертая сессия

27 февраля – 24 марта 2017 года

Пункт 4 повестки дня

**Ситуации в области прав человека,
требующие внимания со стороны Совета****Доклад Независимой международной комиссии
по расследованию событий в Сирийской Арабской
Республике****Резюме*

Сражение за контроль над городом Алеппо сопровождалось неослабным насилием, при котором гражданские лица с обеих сторон становились жертвами военных преступлений, совершавшихся всеми воюющими сторонами. В соответствии со стратегией принуждения противника к капитуляции проправительственные силы в конце июля окружили восточную часть Алеппо, отрезав гражданское население от надлежащего снабжения продовольствием и медикаментами. В июле–декабре 2016 года сирийские и российские силы ежедневно наносили удары с воздуха, убивая сотни людей и превращая в руины больницы, школы и рынки. Кроме того, сирийская авиация сбрасывала бомбы с хлором на жилые кварталы, что приводило к сотням человеческих жертв.

Вооруженные группы постоянно обстреливали гражданское население западных районов Алеппо. Применяя самодельное вооружение, эти группы часто вели неизбирательный огонь, от которого гибли и получали ранения десятки гражданских лиц, в том числе женщины и дети. Когда такие обстрелы не были ориентированы на поражение конкретных военных целей, они преднамеренно были направлены на то, чтобы терроризировать гражданское население. Поскольку по мере ухудшения ситуации в восточной части Алеппо жители пытались бежать, некоторые вооруженные группы удерживали их силой и использовали в качестве «живого щита».

* Приложения к настоящему докладу распространяются только на языке оригинала.

GE.17-01592 (R) 200217 220217

* 1 7 0 1 5 9 2 *

Просьба отправить на вторичную переработку

При проведении одного особенно жестокого налета сирийская авиация нанесла удар по гуманитарному конвою в пригороде Алеппо, в результате которого погибли более 10 сотрудников по оказанию помощи и уничтожены жизненно важные грузы, предназначенные для нуждающегося гражданского населения. Отправка конвоя производилась с разрешения правительства Сирийской Арабской Республики, которому был известно его местонахождение в момент налета. После нападения на конвой доставка гуманитарной помощи была приостановлена на всей территории Сирийской Арабской Республики, в результате чего гражданское население лишилось доступа к жизненно важным товарам.

После взятия в декабре восточного Алеппо проправительственными силами некоторые их подразделения казнили комбатантов, не участвующих в боевых действиях, и предполагаемых сторонников вооруженных групп. Сотни мужчин и мальчиков были разлучены со своими семьями и принудительно мобилизованы в ряды сирийской армии, а судьба других по-прежнему неизвестна.

Вследствие эвакуации восточной части Алеппо, равнозначной насильственному перемещению, тысячи гражданских лиц остаются в опасном положении. Многим гражданским лицам было разрешено переехать на запад Алеппо, другие же были доставлены в Идлиб, где они не имеют адекватных жилищных условий и опасаются возобновления ударов, поскольку воюющие стороны продолжают борьбу за контроль над территорией.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Введение	4
II. Методология.....	4
III. Политическая обстановка.....	5
IV. Вооружение и возможности воюющих сторон.....	5
V. Восточная часть города Алеппо	7
A. Установление осады	7
B. Удары по гражданским объектам	8
C. Применение запрещенных вооружений	14
D. Удары по территории за линией фронта	15
VI. Западная часть города Алеппо	17
VII. Район Шейх-Максуд	19
VIII. Пригороды Алеппо	20
IX. Возвращение восточного Алеппо под контроль правительства	22
X. Выводы	24
XI. Рекомендации	26
Annexes	
I. Applicable law.....	28
II. Map of the Syrian Arab Republic.....	40
III. Map of Aleppo city and environs	41
IV. Map of Aleppo city	42

I. Введение

1. Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике представляет настоящий доклад Совету по правам человека во исполнение его резолюций 31/17 и S-25/1. В своей резолюции S-25/1 Совет просил Комиссию провести в соответствии со своим мандатом всеобъемлющее независимое специальное расследование событий в Алеппо, с тем чтобы, по возможности, выявить все лица, в отношении которых имеются разумные основания полагать, что они несут ответственность за предполагаемые нарушения и злоупотребления в области международного права прав человека¹.

2. Комиссия восприняла резолюцию S-25/1 как требующую от нее проведения расследования нарушений международного права прав человека и международного гуманитарного права, предположительно совершенных в городе Алеппо и его окрестностях всеми воюющими сторонами за период с 21 июля по 22 декабря 2016 года.

II. Методология

3. Комиссия использовала методологию, основанную на передовой практике комиссий по расследованию и миссий по установлению фактов.

4. Настоящий доклад был подготовлен по результатам 291 собеседования, включая те, которые проводились в дистанционном режиме с жителями города и провинции Алеппо, а также собеседований, проведенных как в регионе, так и в Женеве.

5. При проведении расследования Комиссия столкнулась с многочисленными проблемами. По причине осады собеседования с жителями восточного Алеппо редко удавалось провести в форме личной встречи. Собеседования, проводившиеся дистанционно, регулярно прерывались из-за боестолкновений или по другим причинам, в том числе из-за перебоев в электроснабжении, низкого качества телефонной связи и интернет-соединений, а также по соображениям безопасности.

6. Комиссией были собраны, рассмотрены и проанализированы материалы спутниковой съемки, фотографии, видеозаписи и медицинские отчеты. В расследовании отражены сообщения, полученные от правительств и неправительственных организаций, а также доклады Организации Объединенных Наций.

7. Критерий доказанности считался соблюденным, если Комиссия получала надежную информацию, дающую разумные основания полагать, что произошедшие инциденты соответствуют их описанию и что нарушения были совершены избранными воюющей стороной.

¹ В состав Комиссии входят Паолу Сержиу Пиньейру (Председатель), Карла дель Понте и Карен Кёнинг Абу-Заяд. Член Комиссии Витит Мунтарбхорн в сентябре 2016 года вышел из состава Комиссии в связи с назначением на должность Независимого эксперта по защите от насилия и дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности.

III. Политическая обстановка

8. Резкое нарастание военной активности, наблюдавшееся в ходе конфликта в Алеппо с июля 2016 года, оставляло все меньше возможностей для политического маневра. Военные соображения воюющих сторон и соответствующих государств возобладали над политическими инициативами, направленными на снижение уровня насилия и оказание гуманитарной помощи. Несмотря на существенные ограничения, Специальный посланник Генерального секретаря по Сирии Стаффан де Мистура продолжал выступать в поддержку мер по прекращению насилия и обеспечению доступа гуманитарной помощи в восточную часть Алеппо.

9. Окружение и осада восточных районов Алеппо, предпринятые проправительственными силами в июле, привели к дальнейшей эскалации боевых действий, хотя соглашение об их прекращении от 9 сентября 2016 года, достигнутое между Соединенными Штатами Америки, Российской Федерацией и сопредседателями Международной группы поддержки Сирии, обеспечило гражданскому населению столь необходимое ему временное избавление от насилия. За разрывом этого соглашения, случившимся 19 сентября, последовали длительная и интенсивная серия налетов сирийской и российской авиации на восточные районы Алеппо и возобновление обстрелов западной части Алеппо вооруженными группами. В октябре состоялось совещание высокого уровня в Лозанне с участием представителей Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и влиятельных региональных держав, на котором действие этого соглашения возобновить не удалось.

10. В ноябре Специальный посланник Генерального секретаря призвал к немедленному прекращению огня и предложил террористической группе «Джабхат Фатх-аш-Шам» (ранее известной как «Джабхат ан-Нусра») покинуть город Алеппо, чтобы обеспечить доставку в осажденные районы гуманитарной помощи. Правительство Сирийской Арабской Республики отклонило предложение Специального посланника сохранить местные органы власти в восточной части Алеппо, и перерыв в боевых действиях так и не наступил.

11. Возвращение восточной части Алеппо под контроль правительства 22 декабря 2016 года оказало влияние на ход конфликта на всей территории страны. Режим прекращения огня, установленный 29 декабря 2016 года, позволил снизить уровень насилия и на момент подготовки настоящего доклада в целом соблюдался, а также придал новый импульс развитию событий на местах. Российская Федерация и Турция выступают посредниками на переговорах в Астане между правительством Сирийской Арабской Республики и представителями вооруженной оппозиции, на которых будет присутствовать и Специальный посланник. Делегация Исламской Республики Иран также примет участие в переговорах. Переговоры в Астане призваны укрепить режим прекращения огня на всей территории страны, обеспечить достижение соглашения о доставке гуманитарной помощи в осажденные районы и заложить основу для проведения под эгидой Организации Объединенных Наций переговоров, которые должны состояться в Женеве в феврале 2017 года.

IV. Вооружение и возможности воюющих сторон

12. Возможности воюющих сторон были неодинаковы, что, по сути, помогло установлению ответственности за конкретные инциденты. Виды вооружений и способы их применения также указывали на стратегию и намерения сторон.

Выбор воюющими сторонами методов и средств ведения боевых действий в провинции Алеппо в целом свидетельствует о преднамеренном несоблюдении всеми сторонами норм международного гуманитарного права в части соразмерности и избирательности или игнорировании требования принимать все возможные меры предосторожности для уменьшения вероятности случайной гибели и ранения людей или нанесения ущерба гражданским объектам.

13. В течение рассматриваемого периода воздушное пространство над городом Алеппо и его окрестностями находилось под совместным контролем сирийской и российской авиации. Российская Федерация и Сирийская Арабская Республика применяют в основном однотипную военную технику и вооружения, вследствие чего установить ответственность в большинстве случаев невозможно. Хотя авиация международной коалиции также действовала в небе над Алеппо, в рассматриваемый период она не выполняла там каких-либо боевых задач. Вооруженные группы не имели пилотируемой авиационной техники и были неспособны наносить авиаудары с применением обычных вооружений. И хотя ими применялись беспилотные летательные аппараты (дроны), лишь немногие из них несли вооружение, а большинство таких аппаратов не смогли справиться с поставленными задачами.

14. В течение большей части рассматриваемого периода сирийские и российские военные самолеты ежедневно наносили удары по Алеппо, применяя при этом, насколько Комиссии удалось установить, только неуправляемые авиабоеприпасы. К ним относились авиабомбы, ракеты «воздух–земля», кассетные боеприпасы, зажигательные бомбы и самодельные авиабоеприпасы (бочковые бомбы), а также боеприпасы с зарядом промышленных отравляющих веществ, включая хлор. Поскольку возможности сирийских ВВС по проведению операций в ночное время ограничены, большинство ночных вылетов осуществлялось российской авиацией, обладающей более широкими возможностями. Основные авиабазы, использовавшиеся для нанесения ударов по провинции Алеппо, были расположены в Алеппо, Хомсе и Латакии. Например, 23 сентября российские самолеты совершили 42 боевых вылета и нанесли не менее 28 подтвержденных ударов по восточной части города Алеппо.

15. За рассматриваемый период участилось применение кассетных авиабомб. При взрыве таких бомб происходит разлет более мелких суббоеприпасов, наносящих смертельное поражение и ранения на более обширных площадях. При рассмотрении ряда случаев применения таких авиабомб было установлено, что при взрыве каждой кассетной бомбы происходил разлет более 500 суббоеприпасов. В результате этих действий территория Алеппо до сих пор начинена большим количеством неразорвавшихся боеприпасов.

16. Пострадавшие и свидетели часто сообщали об авиаударах с применением противобункерных бомб, обладающих бетонобойными свойствами. Такие бомбы применялись лишь в весьма ограниченных количествах: неспециалисты вполне могли принимать за бетонобойные бомбы другие применявшиеся высокотризантные боеприпасы, особенно снабженные взрывателем замедленного действия, которые обеспечивали аналогичный эффект.

17. В течение 2016 года сирийские ВВС наносили авиаудары по восточным районам Алеппо, применяя бомбы с зарядом хлора. Нет никакой информации, подтверждающей заявления о том, что российская армия когда-либо применяла в Сирийской Арабской Республике химическое оружие. Хотя у гражданских лиц, подвергшихся воздействию хлора, могут проявляться симптомы, аналогичные воздействию веществ кожно-нарывного действия, таких как иприт, в

нескольких случаях с наибольшей вероятностью предполагалось, что в качестве отравляющего вещества применялся газообразный хлор.

18. Как сирийские войска, так и вооруженные группы применяли самодельные и кустарные вооружения. Самодельные вооружения и боеприпасы, такие как авиабоеприпасы (включая бочковые бомбы), реактивные снаряды и минометы, являются довольно неточными и зачастую крайне взрывоопасными. Крупные самодельные авиабоеприпасы применялись только сирийской авиацией. Самодельные реактивные боеприпасы и минометы первоначально применялись вооруженными группами. Использование таких вооружений обеими сторонами приводило к большому числу жертв среди гражданского населения.

19. Вооруженные группы, не имевшие контроля в воздухе, применяли разнообразный арсенал самодельных минометов. Многие из них, в том числе широко распространенный стержневой миномет, известный как «Джаханнам» или «адская пушка», стреляют боеприпасами, изготовленными из баллонов бытового газа. Такие боеприпасы обладают взрывной силой, приблизительно эквивалентной 22–33 кг тротила. Типичный боеприпас такого типа способен наносить смертельное поражение в радиусе до 15 м от места взрыва, а ранения – в радиусе до 40 метров. Дальность выстрела для большинства таких боеприпасов составляет 400–600 метров.

20. Кроме того, вооруженными группами часто применялся неприцельный огонь² в основном из артиллерийских систем. Во многих случаях такие вооружения использовались для обстрела целей, располагавшихся в районах сосредоточения гражданского населения, что равносильно неизбирательным нападениям. В других случаях вооруженные группы преднамеренно вели неприцельный огонь по территории противника, не стремясь поразить конкретные военные цели. Применение сирийской армией и вооруженными группами управляемых боеприпасов в Алеппо, как представляется, ограничивалось противотанковыми управляемыми ракетами для ведения огня по зданиям и технике.

V. Восточная часть города Алеппо

A. Установление осады

21. Алеппо, прежде являвшийся экономической столицей и самым населенным городом страны, по-прежнему имел большое стратегическое значение для всех сторон. В 2012 году Алеппо действительно был разделен на две части: вооруженные группы овладели восточной частью города, а его западные районы продолжали находиться под контролем правительства. Восточный Алеппо, управлявшийся в основном местными советами, оставался одним из главных оплотов оппозиции, и борьба за контроль над ним в целом рассматривалась как потенциально значимая для сирийского конфликта в целом.

22. В сентябре 2015 года, после трех лет военного тупика, Российская Федерация начала оказывать правительственным войскам поддержку на ряде ключевых участков фронта и обеспечила реальную возможность для выхода из тупика, в том числе в Алеппо, где основная цель наносимых авиаударов заключалась в установлении осады восточной части города. Авиаудары по территории про-

² Прицельный огонь, в отличие от неприцельного, ведется по прямой траектории в условиях видимости цели. Для обеспечения точности при ведении неприцельного огня необходимо использовать корректировщика.

винций Алеппо и Идлиб, наносившиеся в последние месяцы 2015 года, позволили вытеснить подразделения вооруженных групп из восточной части Алеппо в пригороды, что ослабило их оборонительный потенциал внутри города. В начале 2016 года в результате нанесения авиаударов по городам Нубул и Захра к северу от Алеппо был перерезан основной путь доставки из Турции необходимых товаров и подкреплений для вооруженных групп. В течение всего указанного периода восточная часть Алеппо подвергалась постоянным воздушным бомбардировкам, вследствие которых были разрушены больницы, школы, мечети, хлебопекарни и жилые дома.

23. Тем не менее одних только ударов с воздуха для ведения осады восточных районов Алеппо проправительственным силам было недостаточно. Успех окружения также зависел от способности правительства мобилизовать на местах достаточную численность личного состава. Испытывая нехватку военнослужащих, сирийская армия, в частности ее четвертая механизированная дивизия, для наращивания своего наступательного потенциала на сухопутном театре военных действий привлекла национальные военизированные формирования, такие как бригады «Баас», «Силы Тигра» и бригада «Лива аль-Кудс», а также иностранные вооруженные отряды, в число которых входили Корпус стражей Исламской революции (иранский революционный корпус), подразделение «аль-Кудс», «Хизбалла», афганские военизированные формирования и отряды иракского ополчения «Ан-Нуджаба» и «Аль-Фатимиюн» (проправительственные силы). Эти группы провели сухопутную наступательную операцию по осадению восточной части города Алеппо.

24. Имея в своих рядах не менее 5 000 бойцов и пользуясь мощной поддержкой с воздуха, проправительственные силы располагали необходимыми ресурсами для окружения восточной части Алеппо. К середине июля 2016 года единственный оставшийся маршрут для снабжения города – дорога Каstellо – был перекрыт проправительственными силами. Применяя смешанную тактику воздушных и артиллерийских ударов, проправительственные силы ежедневно бомбардировали эту дорогу, в результате чего лица, пытавшиеся передвигаться по ней, гибли и получали ранения. После того как 17 июля проправительственные силы установили контроль над дорогой Каstellо, восточные районы Алеппо оказались в полной осаде. В августе вооруженные группы прорвали осаду, разблокировав дорогу в южном районе Рамусех, однако в результате контрнаступления в начале сентября проправительственным силам удалось вновь перекрыть маршрут поставок и восстановить режим осады, которая продолжалась вплоть до декабря, когда восточная часть Алеппо вновь перешла под контроль правительства.

В. Удары по гражданским объектам

1. Воздействие на жизнь гражданского населения

25. В обеих частях города гражданское население в наибольшей степени пострадало от жестоких проявлений насилия, захлестнувшего Алеппо. В восточной части города проправительственные силы постоянно обстреливали жизненно важные гражданские объекты, что приводило к катастрофическим последствиям. День за днем полностью разрушались больницы, рынки, водопроводные станции, школы и жилые здания. Опасаясь бомбардировок, жители города не обращались в больницы, в том числе беременные женщины, которым все чаще приходилось либо рожать дома без медицинской помощи, либо решаться на кесарево сечение, чтобы не проводить в родах несколько часов в

больнице. В западных районах Алеппо гражданские лица жили в страхе перед неизбежными и преднамеренными обстрелами со стороны вооруженных групп. На всей территории Алеппо при бомбардировках жилых зданий больше всего страдали те, кто обычно находился дома, т.е. женщины и дети.

26. Даже до начала осады гражданское население восточного Алеппо испытывало нехватку продовольствия, медикаментов и горючего. Поскольку маршруты поставок были перекрыты, это привело к резкому росту цен на продукты питания, и многие семьи оказались в состоянии приобретать только рис и булгур. Из-за обстрела водопроводных станций жители восточных районов Алеппо оказались вынуждены пить воду из скважин, рискуя заразиться заболеваниями, переносимыми водой.

27. Кампания воздушных бомбардировок восточного Алеппо, начавшаяся 23 сентября 2016 года, сильно усугубила страдания гражданского населения. Только за первые четыре дня налетов погибли примерно 300 человек, в том числе 96 детей. К середине октября вследствие нехватки ресурсов и медикаментов врачи были вынуждены проводить ампутации конечностей, которые в иных условиях можно было бы спасти.

28. По полученной информации, 14 ноября артиллерия правительственных войск обстреляла детский дом в районе Салах ад-Дин, где проживали 50 детей, в результате чего были ранены 2 мальчика 11 и 14 лет. Детей впоследствии переселили в подвал, где им пришлось укрываться несколько недель. После ряда попыток 19 декабря они были эвакуированы.

29. Условия значительно ухудшились в декабре, когда в результате бомбардировок все больницы оказались выведены из строя. Жители были сгруппированы на постоянно сжимающейся территории, где им приходилось жить под авиаударами и при нехватке продуктов питания, воды и отопления. Лишенные медицинских учреждений, некоторые семьи были вынуждены оставлять на улицах тела своих умерших и раненых родственников. После пережитого насилия многие страдали от психологических травм и комплекса вины.

2. Больницы

30. В период с июля по ноябрь авиация неоднократно наносила удары по медицинским учреждениям в восточных районах Алеппо, продолжая следовать тактике, которая наблюдалась в первой половине 2016 года (A/HRC/33/55, пункты 44–49). К концу декабря, когда проправительственные силы вновь овладели восточной частью города, в нем не оставалось ни одной действующей больницы. Основная часть авиаударов была нанесена в два этапа: с конца сентября по середину октября и в середине ноября. Налеты, анализ которых приводится ниже, наносились либо российской, либо сирийской авиацией, либо обеими этими силами.

31. Согласно международному праву, больницы, автомобили скорой помощи и медицинский персонал пользуются особой защитой (см. приложение I, пункт 36). Хотя они могут стать объектом нападения, когда используются в военных целях, такие атаки можно проводить только после предварительного предупреждения (там же, пункт 39). Однако в случаях, которые расследовались Комиссией, не было ни указания о наличии военных целей, ни предупреждений перед совершением атаки. Размещение эмблемы, указывающей на защищенный статус того или иного объекта, не является необходимым в условиях конфликтов, при которых больницы подвергаются преднамеренным обстрелам (там же).

32. Неоднократные бомбардировки, отсутствие предупреждений и отсутствие военных целей вблизи медицинских учреждений явно указывают на преднамеренный и систематический характер обстрелов медицинской инфраструктуры как часть стратегии по принуждению к капитуляции, что является военным преступлением в виде преднамеренного обстрела объектов, находящихся под защитой (там же, пункты 36–39). Кроме того, преднамеренные нападения на медицинский персонал и автомобили скорой помощи представляют собой военные преступления в виде нападений на медицинский персонал и транспорт (там же, пункт 39).

33. Больница М10 в районе ас-Сахур, расположенная вблизи мечети Халида ибн Валида, являлась самой крупной больницей травматологического профиля. За период с конца сентября по середину октября больница четыре раза пострадала от авиаударов, которые вывели ее из строя. Около 4 часов утра 28 сентября в результате авиаудара по соседнему с больницей М10 району был убит 12-летний мальчик и ранен его отец. В ходе налета было повреждено отделение интенсивной терапии и уничтожены генераторы, склад горючего и цистерны с водой. Свидетели сообщили о применении бочковых бомб, а также о взрыве бетонобойной бомбы, оставившем большую воронку. На видеозаписи последствий налета видны два неразорвавшихся суббоеприпаса ШОАБ-0,5, что указывает на применение кассетной авиабомбы РБК-500.

34. Около 11 часов дня 1 октября на больницу М10 было сброшено несколько бочковых бомб, вследствие чего более 100 человек, включая пациентов и медицинских работников, были вынуждены укрыться в больничном подвале. Двое пациентов было убито и не менее 13 ранено. Кроме того, в ходе налета была уничтожена машина скорой помощи, и больница была вынуждена временно прекратить работу. Сообщалось, что при налете были сброшены одна бетонобойная бомба, кассетные боеприпасы и бомбы с хлором. Свидетели рассказали о воронке диаметром 20 метров, которая, по их мнению, образовалась от взрыва бетонобойной бомбы, а результаты спутниковой съемки подтверждают наличие кратера, соответствующего взрыву авиабомбы³. Характер других авиаударов по разным районам Алеппо, включая более позднюю воздушную бомбардировку больницы М10, подтверждает сообщения свидетелей о том, что при налете были применены с большой частотностью различные виды боеприпасов.

35. Последующие сообщения о применявшихся 1 октября химических веществах (скорее всего, хлоре) также подтверждаются рассказами пострадавших. Один работник скорой помощи рассказал о том, как у него и других лиц возникли затруднения с дыханием после взрыва бомбы с «резким запахом». Другие рассказали, что видели порошок желтого цвета, который соответствует осаждениям хлора. На снимках последствий налета видны фрагменты кассетной бомбы ПТАБ-1М, которая является элементом кассетной бомбы РБК-500, состоящей из 268 суббоеприпасов. Наличие самодельного авиационного боеприпаса с химическим зарядом явно свидетельствует о том, что налет был совершен правительственными силами. Наряду с военным преступлением в виде преднамеренного обстрела объектов, находящихся под защитой, этот налет представляет собой военное преступление в виде неизбирательных нападений на гражданское население (см. приложение I, пункты 20–23).

³ См. «Operational Satellite Applications Programme (UNOSAT) satellite imagery analysis» на веб-сайте Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/IIICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx.

36. Больнице М10 вновь был нанесен ущерб 3 октября, на этот раз от взрыва авиабомбы, упавшей в непосредственной близости от нее. На тот момент больница по-прежнему не работала после обстрела, проведенного 1 октября, хотя в ней уже велись восстановительные работы. Между 14 ч. и 15 ч. 30 м. на улице возле входа в больницу раздался взрыв тяжелого боеприпаса, в результате которого были убиты трое ремонтных рабочих и ранены четверо сотрудников больницы, а также было разрушено родильное отделение. По словам очевидцев, на месте взрыва образовалась воронка диаметром 20 метров. Анализ первичной воронки показал, что, скорее всего, был применен боеприпас от 500 до 1 000 кг или крупнее. Если такие бомбы снаряжены взрывателем замедленного действия, при их взрыве образуются крупные воронки, а мощность их поражающего эффекта сопоставима с той, которая наблюдалась на упомянутом объекте.

37. Четвертый удар по больнице М10 был нанесен 14 октября. Примерно в 14 часов несколько авиабомб с унитарными бризантными зарядами взорвались у входа в больницу, в результате чего двое врачей и один фармацевт получили тяжелые ожоги. Один из медицинских работников, ставший свидетелем налета, сообщил, что взрыв спровоцировал воспламенение кислородных баллонов, которые хранились в подвале.

38. С июля по ноябрь сирийской или российской авиацией был нанесен ряд ударов по району Аш-Шаар, где находятся детская больница «Аль-Хаким», женская больница «Аз-Захра», больница «Аль-Байян», клиника «Ад-Дакак» и центральное хранилище крови. Поскольку на востоке Алеппо имеется только одна детская больница, многочисленные авиаудары по больнице «Аль-Хаким» резко сократили доступ детей к медицинскому обслуживанию. 23 июля после авианалета пострадало здание больницы и нарушилось энергоснабжение, в результате чего скончались четверо новорожденных, находившихся в инкубаторах. Для защиты пациентов больничное хозяйство было перемещено в подвал. Ранее все больницы в Аш-Шааре имели четкую маркировку; после указанных событий все эмблемы были сняты из опасения, что по ним будут вновь наноситься удары.

39. 30 сентября около 5 ч. 30 м. как минимум одна авиабомба взорвалась вблизи больницы «Аль-Хаким», в результате чего пострадал автомобиль скорой помощи, а его водитель погиб. После еще одного авианалета, совершенного 16 ноября, эта больница была частично разрушена, а в районе ее местонахождения погибло 27 человек. Через два дня, 18 ноября, больница вновь подверглась налету; на тот момент в ней проходили лечение лица, пострадавшие в результате предполагаемого обстрела боеприпасами с хлором в районе Ард аль-Хамры. В считанные минуты был нанесен «двойной удар»⁴, из-за которого сотрудникам больницы пришлось прервать работу (см. приложение I, пункт 49).

40. Медицинский персонал подтвердил, что в районе больницы «Аль-Хаким» нет никаких военных объектов. Один источник признал, что раненые боевики получают медицинскую помощь в тех же больницах, что и гражданские лица, но отрицал наличие вблизи больницы военных целей. Если больница оказывает помощь раненым боевикам, от этого она не становится действительным военным объектом (там же, пункт 37).

⁴ Тактика «двойного удара» при авианалете предусматривает второй заход на цель/район вскоре после первого захода, вследствие чего гибнут и получают ранения те лица, которые оказывают помощь жертвам первой атаки, оплакивают их или убирают их тела.

3. Источники продовольствия

41. Характерной чертой длительной осады восточной части Алеппо являлись неоднократные удары по рынкам, хлебопекарням и другим источникам продовольствия, жизненно необходимым гражданскому населению, в нарушение права на регулярный, постоянный и неограниченный доступ к достаточному питанию (см. приложение I, пункт 11). Общее число рынков и хлебопекарен, которые за рассматриваемый период подверглись бомбардировкам с воздуха, указывает на то, что проправительственные силы проводили политику преднамеренного нарушения этого права, нанося удары по гражданским объектам с целью принуждения вооруженных групп к капитуляции (там же, пункт 35).

42. Приблизительно в 3 часа утра 28 сентября, незадолго до утренней молитвы, сирийская или российская авиация нанесла удар по хлебопекарне в районе Аль-Маади, когда местные жители уже выстроились в очередь за хлебом. Эта пекарня, которая ранее обслуживала два соседних района и снабжала хлебом почти 6 000 семей, была полностью разрушена. В результате налета погибли восемь гражданских лиц, включая одного из владельцев пекарни, и еще 19 получили ранения. Через два дня, 30 сентября, более 15 гражданских лиц было убито в районе Аль-Хайдария, при авиаударе по хлебопекарне «Азизи». Как и в предыдущем случае, среди погибших в результате налета был и владелец пекарни. К середине октября, после выведения из строя хлебопекарен в районах Аль-Маади, Аль-Магайер и Аль-Машхад, на осажденной территории восточного Алеппо оставалось семь действующих предприятий по выпечке хлеба.

43. Между 16 и 17 часами 12 августа в районе Аль-Фирдоус сирийские или российские самолеты нанесли удар по дорожному узлу, на котором располагался Фирдоусский овощной рынок. Этот рынок уже пять раз подвергался воздушным бомбардировкам. Примерно через пять минут после налета проправительственные силы пошли на второй заход (там же, пункт 49). В результате этих налетов погибло 20 гражданских лиц, еще десятки получили ранения. Около полудня 13 октября Фирдоусский рынок вновь подвергся авианалету: 15 убитых, включая как минимум одного ребенка, и не менее 30 раненых. Поскольку удар был нанесен во время полуденной молитвы, большинство жертв составляли взрослые мужчины. При взрыве образовалась воронка глубиной 3 метра; в результате этого был поврежден магистральный водопровод, что сократило доступ гражданского населения к питьевой воде в районе Аль-Фирдоус.

4. Источники водоснабжения

44. В течение рассматриваемого периода из-за нехватки питьевой воды доступ сирийских мужчин, женщин и детей к санитарно-гигиеническим услугам резко сократился, вследствие чего возросла опасность распространения инфекционных заболеваний, а также заболеваний, переносимых водой. Право человека на воду, которая крайне необходима для того, чтобы жить в условиях человеческого достоинства, является важнейшей предпосылкой для осуществления всех других прав человека (см. приложение, I пункт 12).

45. 31 июля в ходе интенсивных боестолкновений была повреждена электрическая подстанция, которая обеспечивала энергоснабжение водонасосных установок, обслуживавших как восточные, так и западные районы Алеппо. И хотя 4 августа ремонтным бригадам удалось наладить резервную линию электропитания, на следующий день она была выведена из строя. К 9 августа, в крайне жаркий период, примерно 1,7 млн. жителей на всей территории Алеппо оказались лишенными доступа к водопроводной воде.

46. 22 сентября в результате одного или нескольких авиаударов, нанесенных либо сирийской, либо российской авиацией, была повреждена водонапорная подстанция в районе Баб ан-Найраб на востоке Алеппо: ее функционирование нарушилось, и 200 000 гражданских лиц оказались лишенными питьевой воды. Тогда в указанном районе велись ожесточенные бои, и поэтому невозможно определить, носила ли эта атака преднамеренный характер. Несмотря на то, что усилиями местных властей 30 сентября подстанция была отремонтирована и вскоре после этого возобновила работу, гражданские жители восточного Алеппо сообщали, что для бытовых нужд им приходилось использовать сильно загрязненную колодезную воду. Хотя сотрудники Сирийского арабского Красного Полумесяца (САКП) распространяли таблетки для обеззараживания воды, добытой из скважин, вследствие тотальной блокады, установленной правительственными войсками с конца июля, запасы таких таблеток практически истощились. Кроме того, объемы топлива, которые предназначались для отопления в ноябре и декабре, были задействованы для работы водных скважинных насосов.

47. В районе Сулейман аль-Халаби в восточной части 23 сентября была отключена насосная станция, вследствие чего прекратилась подача воды для 1,5 млн. жителей западных пригородов Алеппо. 26 сентября Управление водопроводно-канализационного хозяйства в восточной части Алеппо выступило с заявлением, в котором отрицало свою причастность к этому отключению, произошедшему, по его мнению, из-за «нарушения системы электроснабжения». Однако тем временем гражданское население западного Алеппо могло пользоваться безопасной колодезной водой, которая служила временным альтернативным источником водных ресурсов.

5. Школы

48. За рассматриваемый период авиаудары сирийских и российских сил в различной степени сказались на учебных заведениях в восточных районах Алеппо, где треть населения составляют дети (см. приложение I, пункты 13–15). Школы могут являться объектом нападения только в случае их использования для военных целей, причем такие атаки можно проводить только после предварительного предупреждения, если школа находится в густонаселенном гражданском районе (там же, пункт 22).

49. Около 17 часов 19 августа в районе Салах ад-Дин сирийские или российские самолеты нанесли удары по школе Абдулкадера Шашо и примыкавшей к ней мечети. В то время по территории района Салах ад-Дин проходила линия фронта: примерно половина района находилась под контролем вооруженных групп, а другая половина – под контролем правительственных сил. Хотя на тот момент школа Абдулкадера Шашо не работала, в результате налета было ранено четверо взрослых. Кровля школьного здания частично пострадала, а мечеть была полностью разрушена. Некоторое время после бомбардировки школа продолжала работать, при этом ученики были перемещены в подвальные классы. К сентябрю для обеспечения безопасности учащихся школа переехала в другое место на территории района Салах ад-Дин.

50. В начале сентября по переехавшей школе Абдулкадера Шашо был нанесен авиаудар. В момент налета в школьном здании находились учащиеся 1–9 классов, при этом занятия для более младших классов проводились в утренние часы. В результате налета девять учеников начальных классов было убито и несколько десятков ранено.

С. Применение запрещенных вооружений

51. Начиная с сентября возросло число случаев использования запрещенных видов оружия: чаще всего поступали сообщения о применении хлора, кассетных и зажигательных боеприпасов. На фоне бомбардировок больниц активизация применения таких вооружений особенно тяжело отразилась на гражданском населении, так как пострадавшие лишились возможности получить надлежащую медицинскую помощь.

52. Комиссия провела расследование целого ряда утверждений о сбрасывании самодельных хлорных бомб с вертолетов, что приводило к жертвам среди гражданского населения. Ни в одном из рассмотренных случаев собранная информация не указывала на причастность к этим инцидентам российских сил. Поскольку во всех сообщенных случаях речь шла о применении авиабомб, можно сделать вывод, что эти бомбардировки были проведены сирийскими ВВС. Применение сирийскими войсками хлора вписывается в их тактику, наблюдавшуюся в 2014 и 2015 годах (см. S/2016/738).

53. Применение в жилых районах химического оружия, в том числе бомб с хлором, действие которых является неизбирательным в отношении как гражданских, так и военных целей, представляет собой не только нарушение Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (см. приложение I, пункт 40), но и военное преступление (там же, пункты 41–42).

54. Примерно в 13 часов 6 сентября на район Ас-Суккари была сброшена самодельная авиабомба с зарядом хлора, в результате чего мужчина и 13-летняя девочка умерли от удушья, а еще 80 гражданских лиц пострадали от вдыхания паров хлора. По рассказам очевидцев, в момент сбрасывания бомбы в небе кружили вертолеты, после чего находившиеся поблизости люди стали задыхаться, а их глаза вскоре покраснели. Очевидцы далее сообщили, что в воздухе чувствовался резкий запах, напоминающий бытовые моющие средства. На имеющихся фотоматериалах видны люди, в том числе женщины, дети и лица пожилого возраста, получающие кислородную ингаляцию, а также фрагменты самодельного химического боеприпаса. Налет был совершен сирийскими силами.

55. В период 8–12 декабря ежедневно поступали сообщения о сбрасывании химических веществ на территории близ района Аль-Каласа. Один врач, оказывавший помощь жертвам налета на Аль-Каласу 8 декабря, сообщил, что в тот день ему также пришлось лечить пациентов из районов Бустан аль-Каср и Аль-Фирдоус. По словам очевидцев, бомбы сбрасывались с вертолетов примерно в 16 часов, и из бочек расплзался газ желтого цвета. Сообщалось также, что распространение газа сопровождалось резким запахом. Согласно полученной информации, пострадали 35 человек, в том числе женщины и дети, у которых наблюдались признаки отравления хлором, включая гипоксию, бронхоспазмы и дыхательную недостаточность.

56. Около полудня 9 декабря на районы Аль-Каласа и Бустан аль-Каср были сброшены две самодельные бомбы с зарядами хлора, в результате чего у 30 гражданских лиц появились симптомы отравления хлором; полученные видеоматериалы свидетельствуют о том, что дети страдали от удушья, а их глаза слезились. 10 декабря врачи сообщили, что они оказывали помощь пациентам из района Бустан аль-Каср, у которых наблюдались аналогичные симптомы. В этом случае самодельные химические бомбы были сброшены прямо на кли-

нику Аль-Хайят, где проходили лечение лица, пострадавшие от воздействия хлора в предыдущие дни. У медицинских работников и пациентов проявлялись симптомы, соответствующие отравлению хлором, а изученные видеоматериалы и снимки подтверждают факт применения самодельной авиабомбы с хлорным зарядом.

57. Кроме того, начиная с сентября поступило тревожное число сообщений о случаях применения кассетных боеприпасов. Хотя Сирийская Арабская Республика не является стороной Конвенции по кассетным боеприпасам, применение таких боеприпасов в густонаселенных районах само по себе носит неизбирательный характер (учитывая, как правило, широкий разброс и значительную долю неразорвавшихся элементов, которые продолжают представлять опасность для гражданского населения даже через годы после завершения боевых действий) и поэтому запрещено обычным международным правом. Следовательно, их применение в городах, как, например, в восточном Алеппо, является военным преступлением в виде неизбирательных нападений на районы проживания гражданского населения (там же, пункт 44).

58. Один из жителей района Карм аль-Катерджи сообщил, что около 4 часов утра 14 октября его разбудил взрыв. Вместе со своим братом он вышел на улицу и увидел дома, объятые пламенем. Помогая другим тушить пожар, они увидели, как самолет сбросил бомбу, которая «взорвалась в воздухе», разбросав множество суббоеприпасов, один из которых убил его брата. На фотографиях фрагментов боеприпаса, предоставленных этим свидетелем, видно, что речь идет о шариковой осколочной авиабомбе российского производства ШОАБ-0,5 серии РБК-500, несущей 565 суббоеприпасов.

59. Сирийские и/или российские силы также применяли в восточном Алеппо кассетные зажигательные боеприпасы. Хотя Сирийская Арабская Республика не ратифицировала Конвенцию о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, или Протокол III к этой конвенции, касающийся запрещения применения зажигательного оружия, использование таких боеприпасов в районах проживания гражданского населения является военным преступлением в виде неизбирательных нападений, а также средством и методом ведения боевых действий, которые являются причиной случайной гибели людей (там же, пункт 45). Российская Федерация не только несет обязательства по международному гуманитарному праву, но и является участницей Конвенции с 1982 года, когда она была ратифицирована Советским Союзом.

60. Один из жителей района Аль-Машхад рассказал, как 25 сентября самолет сбросил на его улицу три бомбы. После взрыва первой бомбы вокруг в радиусе 200 метров разлетелись «металлические шарики». Этот рассказ соответствовал фотографиям фрагментов боеприпаса, предоставленным свидетелем; на них видно, что речь идет о поражающих элементах ШОАБ-0,5 в составе бомбовой кассеты РБК-500, содержащей 565 суббоеприпасов. На других фотографиях, сделанных после этого налета, видны фрагменты суббоеприпаса зажигательной бомбы советского производства ЗАБ-2,5СМ.

D. Удары по территории за линией фронта

61. Жители восточных районов Алеппо сообщали, что в течение всего рассматриваемого периода они являлись свидетелями бесчинств, совершенных

на территории, подконтрольной вооруженным группам, включая, в частности, группировки «Харакат Нур ад-Дин аз-Зенки», «Джаиш аль-Муджахеддин», «Аль-Джабхат аш-Шамия», «Файлак аш-Шам», «Ахрар аш-Шам», «Фастаким Кама Умирт» и «бригаду Султана Мурада». Общая численность личного состава этих групп составляла от 6 000 до 8 000 боевиков. Присутствовавший контингент террористической группы «Джабхат Фатах аш-Шам» насчитывал 150–200 боевиков, однако они оказывали гораздо более эффективное влияние благодаря своему оперативному потенциалу в сочетании с тем страхом, который они внушали другим группам. Сообщалось, в частности, о привилегиях при распределении гуманитарной помощи, протекционизме при урегулировании споров, отказе в свободе передвижения, применении «живых щитов», использовании гражданских зданий для военных целей и атмосфере повсеместного, всеобщего и постоянного страха перед репрессиями со стороны вооруженных групп.

62. Как представляется, в период установления осады у различных вооруженных групп, действовавших на востоке Алеппо, не было какой-либо системы единого командования. Хотя в апреле 2015 года боевики создали оперативный штаб, известный как «Фатах халаб», он практически не функционировал. Уровень координации между вооруженными группами снизился, их моральный дух упал, а накал внутренних распрей вырос, поскольку они постоянно отступали под ударами правительственных войск. К 1 декабря, незадолго до захвата проправительственными силами восточных районов Алеппо, оставшиеся вооруженные группы в анклав на юго-востоке Алеппо объявили о новом объединении – с группой «Джаиш Халаб», заменившей «Фатах Халаб». Однако это объединение было недолгим, поскольку 13 декабря, после пяти месяцев изнурительной борьбы, вооруженные группы покинули восточные районы Алеппо.

63. Вскоре после установления осады некоторые вооруженные группы начали отбирать и прятать продукты питания, которые ранее имелись в наличии в большинстве районов. Хотя многие гражданские лица, в том числе сочувствовавшие вооруженным группам, знали о том, что боевики создают запасы продовольствия, большинство из них чувствовало свое бессилие перед боевиками. Жители рассказали о резком росте цен на товары, которые оставались в свободной продаже. Некоторые вооруженные группы при распределении продовольствия и помощи отдавали предпочтение своим сослуживцам, членам их семей и доверенным гражданским лицам. Остальное же население получало на нерегулярной основе лишь минимальную продовольственную помощь. По мнению некоторых жителей, в середине сентября вооруженные группы отказались от возможности получения помощи от Организации Объединенных Наций по политическим мотивам в знак протеста против достигнутого между Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией соглашения о прекращении огня, в котором не были учтены интересы вооруженных групп. В декабре, когда проправительственные силы вновь взяли Алеппо под свой контроль, было обнаружено несколько складов, в которых боевики накапливали и хранили запасы продовольствия.

64. Для обеспечения управления жителями восточного Алеппо вооруженные группы внедрили систему, позволяющую регистрировать жалобы в специально отведенном для этого месте, контролируемом боевиками. Жители рассказали о применении боевиками особого, протекционистского подхода к урегулированию споров, при котором интересы сочувствующих им лиц и интересы родственников боевиков имели приоритет над интересами гражданских лиц, не обладавших достаточными связями.

65. С помощью запугивания некоторые вооруженные группы препятствовали уходу гражданского населения из районов, где в период осады велись наиболее ожесточенные бои, включая Аль-Фирдоус. Не разрешая гражданским лицам уходить, вооруженные группы пытались сделать части района Аль-Фирдоус неуязвимыми от дальнейших атак, используя гражданское население в качестве «живого щита» (там же, пункты 46–47). Жители рассказывали, как боевики не разрешали женщинам покидать Аль-Фирдоус, угрожая им убийством. Одна молодая женщина сообщила о том, что в конце сентября боевики убили ее мужа за попытку покинуть этот район.

66. В октябре в период гуманитарной паузы, согласованной Соединенными Штатами Америки и Российской Федерацией, правительственные войска начали распространять по телевидению и через громкоговорители информацию о возможности эвакуации для гражданских лиц и боевиков. Некоторые вооруженные группы предупредили жителей о том, что восемь предложенных гуманитарных коридоров являются для сирийской армии лишь уловкой, цель которой – принудительно мобилизовать новобранцев в свои ряды; например, жители района Аль-Фирдоус подчеркивали, что гражданское население боялось уходить, поскольку боевики находились среди них и «были на улицах повсюду». К концу октября вооруженные группы попытались ввести с 20 часов комендантский час для жителей ряда районов на востоке Алеппо, стремясь контролировать их передвижение и воспрепятствовать их бегству после наступления темноты. Гражданские лица, принявшие решение остаться, опасались либо наказания за попытку бежать, либо репрессий со стороны правительственных сил после того, как им удастся пробраться в подконтрольные этим силам районы.

67. В конце ноября, перед взятием района Масакен Ханано сирийской армией, террористы из группы «Джабхат Фатах аш-Шам» активно препятствовали уходу гражданского населения с территории упомянутого района. Боевики этой террористической группы произвольно арестовали как минимум двух гражданских лиц, которые пытались обсудить условия ухода жителей района, обвинив их в настраивании населения против этой террористической группы. Местонахождение этих двух гражданских лиц остается неизвестным (там же, пункты 24–30). Этот инцидент настолько испугал остальных жителей, что больше никто не пытался покинуть район Масакен Ханано вплоть до 26 ноября, когда он перешел под контроль сирийской армии.

68. В течение всего периода осады вооруженные группы устраивали свои служебные помещения в гражданских домах и жилых комплексах, а также регулярно захватывали жилища, оставленные жителями, которые либо смогли бежать из восточных районов Алеппо, либо погибли.

VI. Западная часть города Алеппо

Ракетно-минометные обстрелы

69. В густонаселенных районах на западе Алеппо, находившихся под контролем правительства в течение всего рассматриваемого периода, насчитывалось примерно 1,5 млн. жителей, включая внутренне перемещенных лиц. Вскоре после того, как в конце июля восточная часть Алеппо была взята в осаду, антиправительственные вооруженные группы провели ряд контрнаступлений для прорыва окружения на юге – в районе Рамусех, где находились военные учи-

лиша, но добились лишь ограниченного успеха. К сентябрю проправительственные силы восстановили и укрепили режим осады. Столкнувшись с затяжной гуманитарной катастрофой, окруженные группы боевиков начали согласованную кампанию по обстрелу западных пригородов Алеппо, которая продолжалась три последующих месяца. Их атаки в основном заключались в ведении неизбирательных, неприцельных артиллерийских обстрелов густонаселенных городских районов, где зачастую не было явных военных целей, служащих оправданием таких обстрелов, которые оказывали терроризирующее воздействие жителей западного Алеппо.

70. К видам оружия, применявшимся вооруженными группами для обстрелов западного Алеппо с удаленной позиции, обычно относились системы неприцельного артиллерийского огня, в том числе многоствольные реактивные пусковые установки и самодельные ракеты. Наряду с этим применялись самодельные минометы кустарного производства («адские пушки»). Вооруженные группы имели доступ к ограниченному числу вооружений прицельного огня, включая безоткатные и обычные артиллерийские орудия, а также располагали ограниченным количеством единиц управляемого противотанкового оружия. Поскольку у осажденных не было прямой видимости потенциальных целей на территории западных районов Алеппо, вооружение для ведения прицельного огня применялось, как правило, по более ограниченным секторам на линиях боестолкновения и вблизи этих линий.

71. К началу августа заметно ожесточились бои между вооруженными группами и правительственными войсками за контроль над территорией жилищного комплекса 1 070, расположенного в южной части района Аль-Хамаданийя. Примерно в 10 ч. 30 м. 10 августа в третьем квартале района Аль-Хамаданийя, вблизи средней школы Ибн аль-Битар, выпущенные боевиками неустановленные боеприпасы попали в микроавтобус, перевозивший студентов в Алеппский университет; из 24 пассажиров 13 погибли на месте, включая водителя автобуса и его помощника, и 35 гражданских лиц получили ранения, в том числе пассажиры, покупатели и уличные торговцы. По меньшей мере шесть торговых точек вдоль улицы получили повреждения или полностью сгорели. В районе Аль-Хамаданийя находятся Военная академия Аль-Асад, военные казармы и укрытия для военной техники, которые расположены примерно в 1,5 км от средней школы Ибн аль-Битар. Ни один военный объект во время обстрела не пострадал. Расстояние между средней школой Ибн аль-Битар, где был нанесен удар по микроавтобусу, и военными объектами района Аль-Хамаданийя указывает на то, что вооруженные группы, сражавшиеся неподалеку от жилищного комплекса 1 070, выпустили неуправляемую ракету, что является военным преступлением в виде неизбирательных нападений на район проживания гражданских лиц (там же, пункты 23–23).

72. Около полудня 30 сентября в районе Аль-Мидан неустановленный боеприпас, предположительно неуправляемая ракета, выпущенная из района Бустан аль-Паша, попал в небольшой супермаркет, находившийся вблизи церкви Девы Марии аль-Адра в густонаселенном квартале «Вилла», который известен как один из самых оживленных торговых центров Аль-Мидана. Два мальчика и одна женщина скончались от ран, нанесенных шрапнелью, а мать погибших мальчиков получила легкое ранение. Расстояние от Бустан аль-Паши до района Аль-Мидан составляет порядка 1,5 км. На момент обстрела никакого военного присутствия не было ни в самом квартале «Вилла», ни вблизи него: там в основном проживает нейтральное армянское меньшинство. Характер обстрела и отсутствие военных целей свидетельствуют о том, что вооруженные группы со-

вершили военное преступление в виде нападения на гражданское население (там же, пункт 20).

73. 6 октября, вскоре после полуденной молитвы, несколько неустановленных боеприпасов, предположительно снарядов «адской пушки», были выпущены из района Бустан аль-Каср и взорвались среди магазинов и ресторанов на улице Искендерун, в квартале Ад-Джамилия района Аль-Мидан. Расстояние между районами Бустан аль-Каср и Аль-Мидан составляет примерно 5 км. В результате обстрела было убито более 12 гражданских лиц, в том числе женщина с ребенком, более 70 гражданских лиц получили ранения, многие магазины были разрушены. «Адские пушки» являются довольно неточным видом оружия: огонь из них ведется неуправляемыми газовыми баллонами с радиусом взрыва порядка 40 м. Хотя севернее района Аль-Мидан в квартале Бустан аль-Паша находится здание штаба воздушной разведки правительственных сил, применение «адских пушек» на расстоянии 5 км от осажденного района является военным преступлением в виде неизбирательных нападений на район проживания гражданских лиц (там же, пункты 20–23).

74. Как и в восточных районах Алеппо за рассматриваемый период от неизбирательных обстрелов также пострадали многие учебные заведения и учащиеся в западной части Алеппо. 2 ноября боевики неприцельно выпустили несколько минометных мин в направлении здания факультета гуманитарных наук Алеппского университета, расположенного в районе Аль-Фуркан, в результате чего погибли как минимум две студентки. Около 11 часов 20 ноября вооруженная группа боевиков, находившаяся в Бустан аль-Касре, выпустила по району Аль-Фуркан неуправляемые ракеты, которые взорвались на заднем дворе Фурканской начальной школы; в результате как минимум семь детей погибли и одна девочка была ранена. 28 ноября вооруженные группы обстреляли школу Маамун и прилегающую к ней школу в районе Ад-Джамилия. Как минимум один 18-летний учащийся получил ранения шрапнелью в область кишечника, печени и легких, от которых он скончался.

VII. Район Шейх-Максуд

Ракетно-минометные обстрелы

75. В 2012 году, вскоре после начала восстания в Сирийской Арабской Республике, правительственные войска были выведены из населенных преимущественно курдами северных районов страны, чтобы сосредоточить свои силы на возникшем конфликте. С тех пор Шейх-Максуд, горный район на северной окраине города Алеппо, находился под контролем Курдского народного ополчения (КНО). К апрелю 2016 года антиправительственные вооруженные группы с севера, востока и запада окружили основную часть курдского района, которая затем подверглась многочисленным атакам. Поскольку проправительственные силы стремились контролировать восточные районы Алеппо и взяли их в осаду, район Шейх-Максуд подвергался шквальным преднамеренным обстрелам как со стороны групп, находившихся в западных пригородах Алеппо, так и со стороны боевиков из вооруженной группы «Фатах Халаб» (см. пункт 62 выше), занимавших позиции на востоке Алеппо. К многочисленным человеческим жертвам приводили не только ракетные обстрелы районов, населенных гражданскими лицами, но и огонь снайперов, который велся с позиций вооруженных групп на востоке Алеппо. Положение в удерживаемом курдами анклавом в целом остается сложным; наблюдается серьезная нехватка воды и электроэнергии, и

большинство населения выживает за счет использования генераторов и колодецев.

76. 9 августа начальник оперативного штаба группы «Фатах Халаб» майор Ясер Абд ар-Рахим выступил с заявлением, в котором предупредил, что коалиция вооруженных групп «отомстит» курдам в районе Шейх-Максуд, уточнив при этом, что курды «не найдут места, чтобы хоронить своих погибших в Алеппо». Майор Абд ар-Рахим обвинил бойцов КНО в том, что этим летом они убивали боевиков вооруженных групп и сотрудничали с проправительственными силами. Хотя число обстрелов района Шейх-Максуд за рассматриваемый период сократилось (по сравнению с более ранним периодом того же года, по причине осады), на этом фоне вооруженные группы преднамеренно вели огонь по населенным гражданскими лицами районам курдского анклава, в результате чего десятки гражданских жителей были убиты или получили увечья. Эти действия являются военным преступлением в виде нападений на гражданское население (см. приложение I, пункт 20).

77. Около полудня 7 сентября, когда один мужчина-врач возвращался домой, по району Шейх-Максуд было выпущено семь неуправляемых ракет. Две из них разорвались на одной из жилых улиц, а остальные пять повредили близлежащие здания. Позднее военные источники КНО сообщили врачу, что, скорее всего, эти ракеты были выпущены с большого расстояния – с позиций вооруженной группы «Кафр Хамра» в пригороде Алеппо, примерно в 7 км от пострадавшего квартала. Еще один мужчина-врач, являвшийся на тот момент единственным детским хирургом в районе Шейх-Максуд, получил множественные ранения шрапнелью в грудь и скончался по дороге в ближайшую больницу, находившуюся на территории, подконтрольной правительству. Еще трое мужчин получили ранения средней тяжести, не опасные для жизни. Район, который был обстрелян, находился вблизи школы Ясин-Ясин и западного рынка и являлся жилым; он располагался на расстоянии не менее 1 км от ближайшей линии фронта, и на его территории не было подразделений КНО.

78. Примерно в 4 часа утра 8 октября неуправляемая ракета попала в квартиру семьи из шести человек, расположенную в жилом комплексе недалеко от овощного рынка, на 10-й улице в западной части района Шейх-Максуд, и разорвалась в одной из комнат. Предполагается, что ракета была выпущена либо из района Бустан аль-Паша, либо из района Хулук на востоке Алеппо. Один мальчик, его сестра и тетя погибли на месте от попадания шрапнели в голову, мать и бабушка получили тяжелые ранения, но с тех пор уже поправились. Один свидетель узнал от местных властей, что длина разорвавшейся ракеты составляла 1 метр. Никаких военных позиций поблизости не находилось.

VIII. Пригороды Алеппо

Воздушный налет на гуманитарный конвой

79. 19 сентября в Орум аль-Кубре (на западе провинции Алеппо) конвой Организации Объединенных Наций/Сирийского арабского Красного Полумесяца (САКП) подвергся обстрелу с воздуха, в результате чего было убито по меньшей мере 14 гражданских гуманитарных сотрудников и не менее 15 было ранено. В ходе налета было уничтожено 17 грузовых машин вместе с находившимися в них продуктами питания, медикаментами, детской одеждой и другими товарами, которые предназначались для семей в западных районах провинции

Алеппо, находившихся под контролем вооруженных групп, включая Эль-Атариб и Иббин. Обстрел был совершен вскоре после того, как Генеральный штаб сирийских вооруженных сил выступил с заявлением о прекращении перемирия, действовавшего с 12 сентября. После этого авианалета Организация Объединенных Наций объявила о приостановлении отправки всех конвоев с гуманитарной помощью в Сирийской Арабской Республике⁵.

80. Этот конвой в составе 31 грузовой машины проследовал из подконтрольных правительству районов с ведома и разрешения государственных органов и в середине дня прибыл на склад САКП в город Орум аль-Кубра, находившийся под контролем вооруженных групп. Склад был расположен на трассе Атариб-Алеппо, примерно в 1 км от Орум аль-Кубры. Поскольку места для размещения всех грузовиков на территории склада не хватило, некоторые из них были запаркованы вдоль дороги. Различные свидетели сообщили, что боевики вооруженных групп использовали эту дорогу для своих перевозок, однако ни у кого не было информации о том, что такие перевозки осуществлялись в день налета. Все свидетели отрицали, что конвой сопровождался автомобилями вооруженных групп.

81. После того, как примерно в 13 ч. 30 м. конвой прибыл на склад, 42 сотрудника САКП вместе с другими рабочими начали выгружать товары из грузовиков и сортировать их для распределения. Выжившие после налета вспоминали, что видели в небе самолеты, но продолжали работать, предполагая, что эти самолеты следят за соблюдением перемирия. Позднее Российская Федерация опубликовала видеозапись, на которой был показан беспилотный летательный аппарат, наблюдавший за движением конвоя.

82. В конце дня, приблизительно в 18 ч. 30 м., гуманитарные сотрудники получили по портативной радиации (такие устройства широко использовались для предупреждения о надвигающейся атаке) предупреждение о наличии в этом районе воздушных судов. Затем рабочие узнали, что в направлении склада движутся вертолеты. Вскоре после этого, примерно в 19 ч. 10 м., начался авианалет.

83. Выжившие сотрудники и другие находившиеся в том районе лица неизменно сообщали, что налет проводился в три этапа. Сначала вертолеты сбросили бочковые бомбы, которые накрыли склад и близлежащий жилой дом. Сразу после этого люди бросились оказывать помощь раненым, но были вынуждены отойти и укрыться, поскольку вертолеты вернулись и сбросили еще одну серию бочковых бомб (см. приложение I, пункт 49). Затем атаку провели самолеты – по словам ряда свидетелей, это были самолеты типа «Сухой», – в результате которой было убито несколько гуманитарных сотрудников. Наконец, с самолетов был открыт пулеметный огонь по оставшимся в живых людям.

84. Выжившие после налета описывали сцены паники, поскольку работники гибли и получали увечья, находясь в темноте. Налет продолжался не менее 30 минут. Те, кто мог бежать, укрылись в окрестностях, хотя почти никому не удалось остаться невредимым. После налета спасатели бросились к месту обстрела и нашли несколько тел; некоторые из них обгорели до неузнаваемости, у других отсутствовали конечности. Поиски тел продолжались весь следующий день.

⁵ 17 декабря 2016 года назначенная Генеральным секретарем комиссия по расследованию нападения на гуманитарный конвой опубликовала краткий доклад с изложением своих выводов, с которым можно ознакомиться по адресу <https://dpa-prs.atavist.com/summary-of-un-headquarters-board-of-inquiry-report>.

85. Утверждение пострадавших о том, что нападение было совершено с воздуха, подтверждено результатами осмотра места происшествия, включая анализ фрагментов авиационных бомб и ракет, официально оформленный на месте, а также спутниковые изображения, на которых видны следы, указывающие на применение воздушных боеприпасов⁶.

86. Боеприпасы, которые были применены, особенно походили для удара по небронированной технике и людям. На фотографиях, переданных свидетелями, видно, что при налете использовалось несколько неуправляемых противопехотных ракет С-5КБ типа «воздух-земля» советского производства, как минимум одна кассетная авиабомба серии РБК-500, снаряженная несколькими сотнями суббоеприпасов, и не менее двух неуправляемых авиабомб ОФАБ 250-270. Все эти боеприпасы имеются на вооружении сирийских ВВС. Реактивные снаряды С-5КБ со стреловидными поражающими элементами предназначены для уничтожения автомобилей, не имеющих броневой защиты, и личного состава. Применение суббоеприпасов для поражения цели, занимающей обширный район – такой, как колонна грузовых машин, – также соответствует тактике спланированного налета на разрозненные транспортные средства. Самодельные воздушные боеприпасы и бомбы серии ОФАБ используются для поражения личного состава, небронированных автомобилей и зданий. Как представляется, после применения всех имевшихся на борту тяжелых боеприпасов летательные аппараты продолжали вести огонь из автоматического оружия, чтобы продлить атаку и нанести максимальный урон гражданским лицам.

87. Сообщения о раннем предупреждении, материалы спутниковой съемки, показания свидетелей, результаты проведенной на месте судебно-медицинской экспертизы и данные, представленные государствами-членами, последовательно указывают на применение авиационных боеприпасов и на причастность к этому налету сирийских ВВС. В момент нападения в районе Орум аль-Кубра действовали один сирийский бомбардировщик Су-24М и как минимум один, а, возможно, два сирийских ударных вертолета Ми-8. Ни один из самолетов коалиции не использовал вооружение в радиусе менее 50 км от места авианалета, и в момент его проведения вблизи этого места не находилось ни одного ударного летательного аппарата российских сил.

88. Типы примененных боеприпасов, площадь атакуемого района и длительность атаки убедительно указывают на то, что эта атака была тщательно спланирована и безжалостно осуществлена сирийскими ВВС, чтобы преднамеренно помешать доставке гуманитарной помощи и нанести удар по гуманитарным сотрудникам, что представляет собой военные преступления в виде преднамеренного нападения на персонал по оказанию гуманитарной помощи, отказа в гуманитарной помощи и нанесения удара по гражданским лицам (см. приложение I, пункты 34–35).

IX. Возвращение восточного Алеппо под контроль правительства

89. День 27 ноября положил начало продвижению проправительственных сил в глубь восточной части Алеппо. Взяв под свой контроль северные районы, проправительственные силы отделили женщин от мужчин, после чего мужчины

⁶ См. анализ материалов спутниковой съемки ЮНОКАТ, размещенный на веб-сайте Комиссии по адресу www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/ICISyria/Pages/IndependentInternationalCommission.aspx.

были подвергнуты проверке, и те из них, кого уличили в принадлежности к боевикам, были перемещены в центры содержания под стражей. Сирийские войска мобилизовали многих из оставшихся мужчин (см. приложение I, пункт 52), а порядка 5 000 мужчин перевели в лагерь в Джибрине. В лагере процедура проверки возобновилась, и как минимум один мужчина был впоследствии арестован. Его местонахождение неизвестно (там же, пункты 28–30).

90. Сообщения о нарушениях продолжали поступать в начале декабря, когда внутренне перемещенные лица проходили через подконтрольные правительству районы. Гуманитарные сотрудники и персонал медицинских учреждений и гражданской обороны сообщали о возросшей опасности ареста по подозрению в сочувствии вооруженным группам. В начале декабря проправительственные силы арестовали трех гуманитарных сотрудников и несколько жителей района Джабал Бедро, подозревавшихся в сочувствии боевикам. 13 декабря один врач и его жена были произвольно арестованы на контрольно-пропускном пункте. Продолжали поступать сообщения о принудительной мобилизации; наиболее крупная единичная операция по мобилизации была проведена 11 декабря, когда группа примерно из 200 мужчин в возрасте 19–25 лет была в принудительном порядке зачислена в армию, после того как эти мужчины со своими семьями перешли в западную часть Алеппо.

91. С конца ноября вплоть до завершения эвакуации в декабре некоторыми подразделениями проправительственных сил проводились репрессивные казни. К их числу относились случаи, когда сирийские солдаты убивали своих же родственников, поддерживавших вооруженные группы. Кроме того, военнослужащие проправительственных сил казнили жену и дочь командира одной из вооруженных групп, когда те пытались пройти в западную часть Алеппо. По полученным сведениям, в декабре в районе Бустан аль-Каср были убиты родственники боевиков Свободной сирийской армии, в том числе женщины и лица пожилого возраста.

92. В ходе эвакуации в середине декабря военнослужащие проправительственных сил задержали и сковали наручниками трех боевиков, находившихся в состоянии некомбатантов. Четвертый боевик при попытке его задержания открыл огонь, в результате чего военнослужащие расстреляли всех четверых. При проведении эвакуации некоторые подразделения проправительственных сил вновь мобилизовали мужчин и даже 16-летних юношей (там же, пункт 53), а также разграбили имущество эвакуируемых, включая денежные средства, ювелирные изделия, портативные компьютеры и мобильные телефоны (там же, пункт 31).

93. После того как в середине декабря правительство заключило с вооруженными группами соглашение об эвакуации, часть жителей восточного Алеппо на предоставленных правительством автобусах и частных автомобилях была перевезена в Идлиб, а остальные бежали в западные районы Алеппо. Ни у кого не было возможности остаться у себя дома. В рамках этого соглашения более 1 000 человек были эвакуированы из районов Аль-Фуа и Кафрайя и доставлены в провинции Алеппо, Тартус, Хомс и Латакия. Поскольку воюющие стороны договорились об эвакуации восточного Алеппо по стратегическим соображениям, а не для целей безопасности гражданских лиц или настоятельной военной необходимости, при которых разрешается перемещение многих тысяч человек, соглашение об эвакуации Алеппо является военным преступлением в виде насильственного перемещения (там же, пункты 50–51).

Х. Выводы

94. Стороны, участвовавшие в битве за Алеппо, совершили серьезные нарушения международного права прав человека и международного гуманитарного права, которые приравниваются к военным преступлениям. Пока проправительственные силы и вооруженные группы сражались за контроль над восточной частью города Алеппо, гражданские лица, оказавшиеся между воюющими сторонами, становились все более уязвимыми от регулярных нарушений, совершаемых всеми участниками боевых действий.

95. Проводя согласованную воздушную кампанию в сочетании с использованием наземных сил, которые окружили восточные районы Алеппо, правительственные силы и их союзники применяли жесткую тактику для принуждения вооруженных групп к капитуляции. Осада одновременно лишила гражданское население свободы передвижения и препятствовала доставке в город предметов первой необходимости, в том числе продуктов питания и медикаментов. Эта тактика «сдавайтесь или голодайте», широко применявшаяся проправительственными силами в течение всего конфликта, имела катастрофические последствия для гражданского населения, но обеспечила успешное овладение территорией, находившейся под контролем оппозиции.

96. Хотя прекращение снабжения в конечном счете вынудило вооруженные группы сдать, достижение этого результата ускорило благодаря ежедневным ударам сирийской и российской авиации, от которых погибли сотни людей и пострадали жизненно важные гражданские объекты. Особой разновидностью таких ударов являлись бомбардировки, в результате которых к декабрю были разрушены или иным образом выведены из строя все больницы в восточных районах Алеппо. Ни в одном из расследованных Комиссией случаев в какой-либо больнице или вблизи нее не было выявлено никаких военных целей, равно как и не было дано предупреждений перед началом какой-либо конкретной атаки согласно требованиям международного гуманитарного права. Кроме того, тот факт, что одни и те же больницы неоднократно подвергались бомбардировкам в течение двух конкретных периодов – с конца сентября по середину октября и в середине ноября, – убедительно свидетельствует о том, что проправительственные силы совершили военные преступления в виде преднамеренных нападений на защищаемые объекты, медицинский персонал и средства транспорта.

97. Одним из наиболее шокирующих нападений, проведенных за рассматриваемый период, был авиаудар по гуманитарному конвою, в результате которого были убиты 15 гуманитарных сотрудников и уничтожены жизненно необходимые гуманитарные грузы. Примененные средства и методы, а также обстоятельства совершения налета свидетельствуют о том, что сирийская армия ставила перед собой цель преднамеренно воспрепятствовать доставке гуманитарной помощи. Согласно международному гуманитарному праву, гуманитарные сотрудники находятся под защитой и не могут являться объектом нападения. Сирийская армия применила авиационные боеприпасы, зная о том, что на данном объекте действуют гуманитарные сотрудники, и тем самым совершила военные преступления в виде преднамеренного нападения на персонал по оказанию гуманитарной помощи, отказа в гуманитарной помощи и нападения на гражданских лиц.

98. В период осады восточных районов Алеппо поступало тревожное число утверждений о применении хлора. Как минимум в двух случаях сирийские ВВС сбросили бомбы с хлором, от которых погибли гражданские лица, в том числе много детей. Применение хлора вне зависимости от наличия действительной военной цели запрещено обычным международным правом, а также Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении, участницей которой является Сирийская Арабская Республика. Продолжающееся применение хлора сирийской армией свидетельствует о вопиющем несоблюдении международно-правовых обязательств, а также является военным преступлением в виде неизбирательных нападений на гражданское население.

99. Сирийская и/или российская авиация повсеместно применяла касетные боеприпасы, от которых гибли и получали ранения гражданские лица. Поскольку при взрыве каждой касетной бомбы разлетается большое число суббоеприпасов, их применение на столь густонаселенной территории, как восточная часть Алеппо, приравнивается к применению заведомо неизбирательного вооружения и является военным преступлением в виде неизбирательных нападений на район проживания гражданских лиц.

100. Вскоре после установления правительственными войсками блокады восточного Алеппо вооруженные группы, находившиеся в западных пригородах Алеппо и в восточных районах города Алеппо, начали обстреливать район Шейх-Максуд, явно стремясь отомстить курдам, составлявшим большинство населения этого района. В результате преднамеренных обстрелов были убиты и получили ранения гражданские лица, что является военным преступлением в виде преднамеренного совершения нападений на гражданское население.

101. В течение всего периода осады восточного Алеппо вооруженные группы постоянно обстреливали западные районы Алеппо, применяя в основном неуправляемые и неточные вооружения, такие как самодельные ракеты и минометы. Одним из наиболее широко применявшихся видов оружия являлись так называемые «адские пушки». Учитывая специфику применявшихся вооружений и отсутствие военных целей в большинстве рассмотренных случаев, население западных районов Алеппо терроризировалось в нарушение принципа избирательности, предусмотренного гуманитарным правом. Следовательно, эти обстрелы являются военным преступлением в виде неизбирательных нападений на гражданское население.

102. Некоторые вооруженные группы также совершили военные преступления, приостановив распределение гуманитарной помощи среди осажденного населения в подконтрольных им районах, упорно отказывали гражданским лицам в свободе передвижения, использовали гражданских лиц в качестве «живого щита», проводили произвольные аресты и использовали гражданские здания для военных целей.

103. Процесс возвращения восточного Алеппо под контроль правительства характеризовался репрессиями, наиболее суровыми из которых были казни военнослужащими проправительственных сил боевиков вооруженных групп, находившихся в состоянии некомбатантов, и убийства их гражданских членов семьи. Были произведены произвольные аресты лиц, подозревавшихся в сочувствии вооруженным группам, включая врачей и гу-

манитарных сотрудников, а мужчины и мальчики были принудительно мобилизованы в армию.

104. После возвращения восточного Алеппо под правительственный контроль между правительством и вооруженными группами было заключено соглашение, после чего последовала эвакуация оставшегося населения. По условиям этого соглашения, подобного предыдущим аналогичным соглашениям, включая те, которые действовали в городах Дарайя и Моадмийя в августе 2016 года, у гражданских лиц не было возможности остаться. Одним было разрешено выехать в западную часть Алеппо, а другие были доставлены в Идлиб, где они не имеют адекватных жилищных условий и опасаются новых нападений. Такие соглашения приравниваются к военным преступлениям в виде насильственного перемещения гражданского населения.

XI. Рекомендации

105. На основе своих выводов Комиссия дает следующие рекомендации.

106. Комиссия рекомендует всем воюющим сторонам:

а) соблюдать свои обязательства по международному праву прав человека и международному гуманитарному праву, в том числе воздерживаться от любых неизбирательных и несоразмерных нападений;

б) прекратить все осады или связанные с ними стратегии, включая подвергание голоду и отказ в доступе к гуманитарной помощи, в том числе к продуктам питания, воде и медикаментам, которые прежде всего затрагивают гражданских лиц;

в) воздерживаться от дальнейших соглашений об эвакуации, влекущих за собой насильственное перемещение гражданского населения в военных целях;

г) провести расследования поведения своих подразделений и придать гласности их выводы.

107. Комиссия рекомендует правительству Сирийской Арабской Республики:

а) обеспечить лицам, эвакуированным из восточных районов Алеппо и проживающим в настоящее время на подконтрольной правительству территории, адекватные и безопасные условия жизни;

б) разрешить тем, кто желает вернуться в свои дома в восточной части Алеппо, сделать это в условиях безопасности, с сохранением всех прав собственности и не опасаясь репрессий или дискриминации;

в) принять меры к тому, чтобы осажденное население имело доступ к гуманитарной помощи в соответствии с резолюциями 2165 (2014), 2191 (2014), 2258 (2015) и 2328 (2016) Совета Безопасности;

г) прекратить все нападения на гуманитарных сотрудников и гуманитарные объекты, включая медицинский персонал, больницы и транспортные средства.

108. Комиссия рекомендует вооруженным группам:

- а) отказаться от экстремизма и принимать эффективные меры по обеспечению соблюдения международного права;
- б) разрешить свободное передвижение членов общин, проживающих на подконтрольных им территориях, в том числе воздерживаться от использования гражданских лиц в качестве «живого щита»;
- в) прекратить неизбирательные обстрелы районов, населенных гражданскими лицами.

109. Комиссия рекомендует международному сообществу:

- а) поощрять усилия по обеспечению подотчетности, в том числе путем активного содействия учреждению международного беспристрастного и независимого механизма для оказания помощи в расследовании деяний и судебном преследовании лиц, ответственных за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, в соответствии с резолюцией 71/248 Генеральной Ассамблеи;
- б) поручить независимому механизму, когда он начнет работу, приступить в приоритетном порядке к сбору дальнейших доказательств и информации в связи с преступлениями, официально отраженными Комиссией в настоящем докладе;
- в) прекратить поставки оружия воюющим сторонам и его распространение, особенно кассетных боеприпасов и зажигательных вооружений, которые имеют неизбирательное действие, когда применяются в районах проживания гражданских лиц, и представляют угрозу для гражданского населения в течение многих лет после прекращения военных действий;
- г) обратиться ко всем государствам-членам с настоятельным призывом укрепить международно-правовую основу для защиты гражданского населения, в том числе путем ратификации соответствующих международных договоров, таких как Конвенция по кассетным боеприпасам и Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие;
- е) содействовать продолжению политических процессов и переговоров, целью которых является прекращение сирийского конфликта, в частности поддерживать усилия Специального посланника Генерального секретаря по Сирии, направленные на продолжение политических переговоров, в соответствии с «дорожной картой», предусмотренной Советом Безопасности в его резолюции 2254 (2015).

Annex I

Applicable law

A. Background

1. During the period under review, the Commission notes that the intensity and duration of the conflict continued to meet the legal threshold for a non-international armed conflict.¹ With this determination, the Commission applied international humanitarian law, including article 3 common to the four Geneva Conventions of 12 August 1949 (“Common Article 3”), in its assessment of the actions of the warring parties during hostilities in Aleppo between 21 July 2016 and 22 December 2016.

B. Legal regimes in effect

2. The applicability of international humanitarian law (IHL) does not replace existing obligations under international human rights law (IHRL). Rather both regimes remain in force and are generally considered as complementary and mutually reinforcing. Where both IHL and IHRL apply, and can be applied consistently, parties to a conflict were obligated to do so. In situations where IHL and IHRL were both applicable, the commission deferred to the application of IHL under the principle of *lex specialis*.² The specific applicability of each regime is briefly reviewed below.

C. International human rights law

3. At all times relevant to this report the Syrian Arab Republic was party to the major United Nations human rights treaties and a number of optional protocols.³ The Syrian

¹ See, e.g., ICTY, *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Judgment, IT-94-1-T, 7 May 1997, at paras. 561-568; see also ICTY, *The Prosecutor v. Fatmir Limaj*, Judgment, IT-03-66-T, 30 November 2005, para. 84.

² See *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996 [hereinafter “ICJ Nuclear Weapons”]. The International Court of Justice ruled that IHL is *lex specialis* vis-à-vis IHRL during armed conflicts. The parties must therefore abide by the legal regime which has a more specific provision on point. The analysis is fact specific and therefore each regime may apply, exclusive of the other, in specific circumstances. The Human Rights Committee generally concurs with this view as set out in the General Comment No. 31 to the ICCPR. “The Covenant applies also in situations of armed conflict to which the rules of international humanitarian law are applicable. While, in respect of certain Covenant rights, more specific rules of international humanitarian law may be specially relevant for the purposes of the interpretation of Covenant rights, both spheres of law are complementary, not mutually exclusive.”

³ The International Covenants on Civil and Political Rights and on Economic, Social and Cultural Rights were ratified by the Syrian Arab Republic in 1969, the same year it ratified the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. The Syrian Arab Republic is also party to the Convention on the Elimination of Discrimination against Women which it ratified in 2003, the Convention against Torture and other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment and Punishment in 2004 and the Convention on the Rights of Child in 1993. The Syrian Arab Republic ratified the Optional Protocol to the Convention on the Rights of Child on the involvement of children in armed conflict in 2003. The Syrian Arab

Government did not declare a state of emergency nor otherwise seek to derogate from any of the aforementioned obligations which consequently remained in effect throughout the battle for control over Aleppo city, irrespective of the applicability of other legal regimes.⁴

4. All branches of the Syrian Government were therefore bound to respect, protect, promote and fulfil the human rights of all persons within its jurisdiction. The obligation included the right to afford an effective remedy to those whose rights were violated including the provision of reparations and to investigate and bring to justice perpetrators of particular violations.⁵ The Syrian Arab Republic was also bound by relevant rules of IHRL which form a part of customary international law, such as the absolute prohibition against torture.

5. Non-state actors and IHRL: Non-state actors (“armed groups”) cannot formally become parties to international human rights treaties. Armed groups were nevertheless obligated to respect the fundamental human rights of persons forming customary international law, in eastern Aleppo city, where such actors exercised de facto control.⁶ The Commission therefore examined allegations of human rights violations committed by the Syrian Government as well as abuses of customary international human rights norms perpetrated by armed groups operating in eastern Aleppo city.

D. International humanitarian law

6. Throughout the reporting period, IHL remained binding on all warring parties.⁷ Its applicability had been triggered when hostilities met the threshold criteria of “armed conflict.”⁸ IHL comprises the four Geneva Conventions of 12 August 1949 as well as its Protocols I and II and an array of other instruments and customary principles that protect

Republic has not ratified the Convention on the Non-applicability of Statutory Limitations to War Crimes and Crimes against Humanity.

⁴ *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, p. 178, paras. 105-106, “[t]he protection offered by human rights conventions does not cease in case of armed conflict.” See also *ICJ Nuclear Weapons*, statements concerning IHL as *lex specialis*, supra note 2, at para. 25.

⁵ See Human Rights Committee, General Comment No. 31 on The Nature of the General Legal Obligation Imposed on State Parties to the Covenant (2004), at paras. 15-19. In this General Comment, the Human Rights Committee considered that the duty to bring perpetrators to justice attaches in particular to violations that are criminal under domestic or international law, torture and similar cruel, inhuman and degrading treatment, summary and arbitrary killing and enforced disappearance; see also the Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law, adopted by the General Assembly in December 2005, and the Updated Set of Principles for the Protection and Promotion of Human Rights through Action to Combat Impunity (which were recognised in a consensus resolution of the Commission on Human Rights in 2005).

⁶ For a more expansive view of the application of IHRL, see Andrew Clapham, *Human Rights Obligations of Non-State Actors* (Oxford, Oxford University Press, 2006). To similar effect, see Report of the Secretary-General’s Panel of Experts on Accountability in Sri Lanka, 31 March 2011, para. 188, available at http://www.un.org/News/dh/infocus/Sri_Lanka/POE_Report_Full.pdf.

⁷ “[I]t is well settled that all parties to an armed conflict, whether States or non-State actors, are bound by international humanitarian law, even though only States may become parties to international treaties.” See *Prosecutor v. Sam Hinga Norman*, Special Court for Sierra Leone, case SCSL-2004-14-AR72(E) (31 May 2004), at para. 22. Common Article 3 of the Geneva Conventions itself states that “each party . . . shall be bound”.

⁸ The Commission first determined the existence of a non-international armed conflict in the Syrian Arab Republic beginning in February 2012. See, e.g., A/HRC/21/50.

civilians and other categories of persons from deliberate targeting and seek to limit the effects of armed conflict on the most vulnerable.⁹

7. The Syrian Arab Republic is a party to the Geneva Conventions and its Protocol I, as well as to several other IHL instruments concerning weaponry and mercenaries.¹⁰ The Syrian Arab Republic has not, however, ratified Protocol II to the Geneva Conventions which is specifically applicable during non-international armed conflicts. A number of provisions of customary IHL nevertheless apply to non-international armed conflict and must be respected when the threshold of non-international armed conflict is met. The Commission took note that a non-international armed conflict developed in the Syrian Arab Republic during February 2012 which triggered the applicability of Common Article 3 as well as customary law relevant to non-international armed conflict.¹¹

8. As the Security Council underlined in Resolution 1325 (2011), it is essential for all States to apply fully the relevant norms of IHL and IHRL to women and girls, and to take special measures to protect women and girls from gender-based violence during armed conflict.¹²

E. Violations

The right to life

9. Various treaties, resolutions, conventions, and declarations adopted by United Nations bodies contain provisions relating to specific types of violations of the right to life. Under IHRL, the right to life is most prominently recognised in article 3 of the Universal Declaration of Human Rights, noting that “[e]veryone has the right to life, liberty and security of person.” Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights (“ICCPR”) also recognises the inherent right of every person to life, noting that the right “shall be protected by law” and that “no one shall be arbitrarily deprived of life.” The right to life of persons under the age of 18 and the obligation of States to guarantee the enjoyment of this right to the maximum extent possible are both specifically recognized in article 6 of the Convention on the Rights of the Child.

⁹ One repository of the principles of customary IHL can be accessed in *Customary International Humanitarian Law* (3 vols.), by Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck for the International Committee of the Red Cross, (Cambridge, Cambridge University Press, 2005) (ICRC Study).

¹⁰ The Syrian Arab Republic is a party to the following treaties: The Protocol for the Prohibition of the Use of Asphyxiating, Poisonous or other Gases, and of Bacteriological Methods of Warfare (1925); the Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armies in the Field (1929); the Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict (1954) and its Protocol(1954); the International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries (1989).

¹¹ See supra note 8.

¹² See Security Council resolution 1820 (2008).

10. Moreover, the ICCPR provides that exceptional circumstances such as internal political instability or any other public emergency may not be invoked to justify derogation from the right to life and security of person.¹³

The right to food

11. With respect to right to food, the legal obligations of states are set out in the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (“ICESCR”).¹⁴ The Committee on Economic, Social and Cultural Rights in General Comment No. 12 also defined the obligations that States parties have to fulfil in order to implement the right to adequate food at the national level. The obligation to respect existing access to adequate food requires states not to take any measures that result in preventing such access; the obligation to protect requires measures by the state to ensure that enterprises or individuals do not deprive individuals of their access to adequate food; the obligation to fulfil (facilitate) means the State must pro-actively engage in activities intended to strengthen people’s access to and utilisation of resources and means to ensure their livelihood, including food security; and whenever an individual or group is unable, for reasons beyond their control, to enjoy the right to adequate food by the means at their disposal, States have the obligation to fulfil (provide) that right directly. This obligation also applies for persons who are victims of natural or other disasters.

The right to water

12. The human right to water is explicitly and widely recognised through several international human rights treaties, declarations, and numerous other standards.¹⁵ As noted in General Comment No. 15 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), “[t]he human right to water entitles everyone to sufficient, safe, acceptable, physically accessible and affordable water for personal and domestic uses. An adequate amount of safe water is necessary to prevent death from dehydration, to reduce the risk of water-related disease and to provide for consumption, cooking, personal and domestic hygienic requirements.” One-hundred and twenty-two UN member states acknowledged the right to water in GA resolution A/64/292.¹⁶ Intentionally attacking, destroying, removing or otherwise rendering useless objects which are indispensable to the survival of a besieged civilian population, including water stations, is prohibited under IHL.¹⁷

Education

13. As defined by General Comment No. 13 of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights, “education is both a human right in itself and an indispensable means of realizing other human rights. As an empowerment right, education is the primary vehicle by which economically and socially marginalized adults and children can lift themselves out of poverty and obtain the means to participate fully in their communities.”

¹³ International Covenant on Civil and Political Rights, United Nations, *Treaty Series*, vol. 999, p. 171 [hereinafter “ICCPR”], at art. 4, para. 2.

¹⁴ International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, United Nations, *Treaty Series*, vol. 993, p. 3 [hereinafter “ICESCR”], at art. 2.

¹⁵ See, e.g., Human Rights Council resolution 18/1 on the human right to safe drinking water and sanitation.

¹⁶ General Assembly resolution 64/292 on the human right to water and sanitation.

¹⁷ International Committee of the Red Cross (ICRC), *Customary International Humanitarian Law*, 2005, Volume I: Rules [hereinafter “ICRC Rule”], at Rule 54.

14. The legal obligations of Governments concerning the right to education consist of: (i) the duties found in article 2.1 of the ICESCR; and (ii) the more specific obligations to recognise, respect, protect and fulfil this and other rights. The obligation to fulfil incorporates both an obligation to facilitate and an obligation to provide.

15. Moreover, under IHL, schools may only be the object of attack by warring parties when used for military purposes, and such attacks require prior warning when the school is located in a densely populated civilian area.¹⁸

Unlawful killing

(a) Arbitrary deprivation of life

16. IHRL strictly prohibits the arbitrary taking of life, a restriction that bars state actors from killing a person outside a legitimate and legal basis for doing so. Outside of situations of armed conflict, those legitimate bases are twofold. First, when a fully-fledged judicial process in line with international standards has been followed, or second, in the most narrow of circumstances, where a person's life is under imminent threat.

17. Moreover, a state-sponsored deprivation of life will be arbitrary in the legal sense unless it is both necessary and proportionate. Therefore, when a state actor employs lethal force it must be in order to protect life (i.e., it must be proportionate) and there must also be no other means available, such as capture or incapacitation, to curtail that threat to life (i.e., it must be necessary). Only under these limited circumstances could the resort to lethal force by the State be deemed legal.

18. In situations of armed conflict, whether the taking of life is considered arbitrary is determined by the application of the *lex specialis*, namely IHL.¹⁹ Any deprivation of life therefore deemed unlawful under IHL and does not meet the criteria set out above also constitutes a violation of the right to life.

(b) Murder as a war crime

19. In specific circumstances, killing another person during an armed conflict constitutes the war crime of murder. The war crime of murder is a recognised offense under customary international law and during a non-international armed conflict has been codified in the Rome Statute.²⁰ Murder is committed upon the intentional killing of a protected person in the context of an armed conflict when the perpetrator is aware of the circumstances of the victim and the conflict itself.

Attacks on protected persons and objects; indiscriminate attacks

20. IHL prohibits the intentional targeting of civilians in both international and non-international armed conflicts. Parties to the conflict in Aleppo city had an obligation to distinguish at all times between those taking part in hostilities and the civilian population, and to only direct attacks against military objectives. Referred to as the "principle of distinction", this principle has been recognised as "intransgressible" under customary international law.²¹

21. Attacks on places where both civilians and fighters may be found are prohibited if they are not directed at a specific military objective, or if they use methods or means of

¹⁸ Ibid. at Rule 20.

¹⁹ See *ICJ Nuclear Weapons*, supra note 2, at para. 79.

²⁰ General Assembly, Rome Statute of the International Criminal Court (last amended 2010), 17 July 1998, at art. 8 (2) (c) (i)-1.

²¹ *ICJ Nuclear Weapons*, supra note 2, at para. 25.

combat which cannot be directed at a specific military objective.²² It is prohibited to launch an attack which may be expected to cause incidental loss of civilian life, injury to civilians, and/or damage to civilian objects which would be excessive in relation to the anticipated concrete and direct military advantage.²³

22. Customary IHL establishes that all “parties to the conflict must take all feasible precautions to protect the civilian population and civilian objects under their control against the effects of attacks.”²⁴ Each party to the conflict must, to the extent feasible, avoid locating military objectives within or near densely populated areas.²⁵ Each party to the conflict must, to the extent feasible, remove civilian persons and objects under its control from the vicinity of military objectives.²⁶

23. Customary IHL also incorporates specific protections for places of worship, including mosques. It is prohibited to commit an act of hostility directed against places of worship which constitute the cultural or spiritual heritage of peoples.²⁷

Arbitrary arrest and unlawful detention

24. Article 9 of the ICCPR prohibits arbitrary arrest or detention of individuals, providing that that “no one shall be deprived of liberty except on such grounds in accordance with such procedures as are established by law.” Persons arrested are to be informed at the time of arrest of the reasons for the arrest and promptly informed of any charges.²⁸ Anyone arrested or detained on a criminal charge is to be brought promptly before a judge or other officer authorised by law to exercise judicial power and is entitled to trial within a reasonable period or release.²⁹ Persons have a right to take proceedings before a court for the purposes of reviewing the lawfulness of detention and to be released if the detention is unlawful.³⁰ The term “arbitrary” must be considered in terms of appropriateness, proportionality, and reasonableness.³¹ Lawfulness of detention is to be considered as both lawfulness under domestic law and lawfulness under international law.³²

25. The Commission notes the conditions of detention provided for in the Syrian Arab Republic’s domestic law. Article 4 of the State of Emergency Act authorises the Military Governor to impose, through oral or written orders, “restrictions on the rights of people to the freedom of assembly, residence, transport, and movement, and to arrest suspected people or those threatening public security on a temporary basis, and to authorize investigations of persons and places at any time, and to allow any person to perform any task.”³³

²² ICRC Rule 12.

²³ Ibid. at Rule 14.

²⁴ Ibid. at Rule 22.

²⁵ Ibid. at Rule 23.

²⁶ Ibid. at Rule 24.

²⁷ Ibid. at Rule 38.

²⁸ ICCPR, art. 9(2).

²⁹ Ibid., art. 9(3).

³⁰ The ICCPR also provides for a right of compensation for unlawful arrest or detention.

³¹ *A v Australia*, Human Rights Committee, Communication No. 560/1993, CCPR/C/59/D/560/1993, para. 9.2. In considering unlawful remand, the Committee has also highlighted that factors of inappropriateness, injustice and lack of predictability that may render arbitrary an otherwise lawful detention; see *Van Alphen v The Netherlands*, Human Rights Committee, Communication No.305/1988, CCPR/C/39/D/305/1988.

³² See, e.g., *A v Australia*, Human Rights Committee, Communication No. 560/1993, CCPR/C/59/D/560/1993, at para.9.5.

³³ While the state of emergency was lifted on 21 April 2011, the Government did not abolish it, and it remains in force under Syrian domestic law.

26. The State of Emergency Act also provides for the detention of suspects for “crimes committed against State security and public order” and “crimes committed against public authorities”.³⁴ The Commission observes that these crimes do not appear to be further defined in the Syrian Arab Republic’s domestic laws. The State of Emergency Act also permits the security forces to hold suspects in preventive detention without judicial oversight for indefinite periods.

27. The Commission observes that in April 2011, the Syrian Arab Republic’s Code of Criminal Procedure – which previously required suspects to be brought before a judicial authority within 24 hours of arrest or else be released³⁵ – was amended to allow suspects to be held for up to seven days, pending investigation and the interrogation of suspects for certain crimes. This period is renewable up to a maximum of 60 days.³⁶

Enforced disappearance

28. While the Syrian Arab Republic is not party to the specialised convention concerning enforced disappearances,³⁷ it is a party to the ICCPR which also prohibits the practice of enforced disappearance.³⁸ Such action violates a person’s right to recognition as a person before the law,³⁹ to liberty and security and freedom from arbitrary detention, including the right to be brought promptly before a judge or other official for review of the lawfulness of detention. Disappearance may also be associated with torture and other forms of cruel, inhuman or degrading treatment and extrajudicial execution, in violation of the right to life, prohibition on torture and other forms of cruel, inhuman or degrading treatment.⁴⁰ enforced disappearances may also lead to violations of the right to life.⁴¹

29. Customary IHL also prohibits arbitrary deprivation of liberty⁴² and require parties to the conflict to keep a register of persons deprived of their liberty,⁴³ respect detainees’ family life, to permit detainees to receive visitors, especially near relatives to the degree practicable and allow correspondence between detainees and their families.

30. Parties to a conflict must take all feasible measure to account for persons reported missing as a result of the conflict and efforts must be made to provide family members with any information the Party has on their fate. The practice of enforced disappearance also may be a gateway to other violations such as torture, murder or extra judicial executions. The combined effect of particular IHL obligations leads to the conclusion that the practice of disappearance is prohibited by customary IHL. Integral to the finding of a crime of

³⁴ State of Emergency Act, art. 6

³⁵ Code of Criminal Procedure, Law No. 112 of 1950 as amended, arts. 104 (1) and (2).

³⁶ Legislative Decree No. 55/2011, amending article 17 of the Code of Criminal Procedure.

³⁷ International Convention on the Protection of all Persons from Enforced Disappearance, 2006.

³⁸ See General Comment No. 31, supra note 5, at para. 18.

³⁹ ICCPR, at art. 16.

⁴⁰ The Human Rights Committee has recognised that safeguards against torture include having provisions against incommunicado detention, granting detainees suitable access to persons such as doctors, lawyers and family members, ensuring detainees are held in places that are officially recognized as places of detention and for their names and places of detention, as well as for the names of persons responsible for their detention, to be kept in registers readily available and accessible to those concerned, including relatives and friends. See Human Rights Committee, General Comment No. 20 (1992) on art. 7 of the ICCPR, at para. 11.

⁴¹ ICCPR, at art. 6.

⁴² ICRC Rule 99.

⁴³ ICRC Rule 123.

“enforced disappearance” is a refusal to acknowledge the arrest, detention or abduction, or to give information on the fate or whereabouts of such person or persons.⁴⁴

Pillaging

31. By definition pillage (or plunder) is theft within the context of, and in connection with, an armed conflict. The prohibition of pillage is a long-standing rule of customary and treaty-based international law. The pillaging of personal belongings of persons deprived of their liberty amounts to a war crime.⁴⁵

Destruction of personal property

32. International human rights law protects an individual’s home from interference by the State. Article 17 of the ICCPR prohibits arbitrary or unlawful interference with a person’s home or correspondence. The Human Rights Committee has interpreted this provision to mean that no interference can take place except in cases envisaged by the law, and that law must comport with the objectives of the ICCPR.⁴⁶ Article 11 of the ICESCR commits States Parties to providing everyone “an adequate standard of living for himself and his family, including housing, and to the continuous improvement of living conditions.”

Sieges

33. While the laying of sieges with the aim of compelling surrender does not, in and of itself, constitute a violation under IHL, the use of the military tactic must comport with other IHL rules, including allowing for vital foodstuffs and other essential supplies to be delivered to the besieged civilian population.

34. The delivery of vital foodstuffs and other essential supplies to the besieged civilian population must be granted. Parties to a conflict must allow and facilitate rapid and unimpeded passage of humanitarian relief for civilians in need, which is impartial in character and conducted without any adverse distinction, subject to their right of control.⁴⁷ The use of starvation of the civilian population as a method of warfare is prohibited.⁴⁸

35. Moreover, as the freedom of movement of humanitarian relief personnel is essential to the exercise of their functions, warring parties must ensure the freedom of movement of authorised humanitarian relief personnel unless imperative military necessity requires their movements be temporarily restricted.⁴⁹ Civilian humanitarian relief personnel must be respected and protected and are specifically protected against attack by the principle of distinction.⁵⁰ Objects used for humanitarian relief operations such as humanitarian aid

⁴⁴ International Criminal Court (ICC), *Elements of Crimes*, 2011, at art. 7(1)(i).

⁴⁵ ICRC Rule 122. See also the *Jelisić* case before the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, where the accused was charged under art. 3(e) of the Tribunal’s Statute with the plunder of private property. The defendant pled guilty to the offence of having stolen money, watches, jewellery, and other valuables from detainees upon their arrival at Luka camp in Bosnia and Herzegovina. ICTY, *Jelisić* case, Initial Indictment and Judgment at § 280.

⁴⁶ Human Rights Committee, General Comment No. 16 to the ICCPR, at art. 3.

⁴⁷ ICRC Rule 55. Moreover, through its resolutions 2165 (2014), 2191 (2014), and 2258 (2015), the Security Council has authorised the unconditional delivery of humanitarian assistance including medical assistance throughout the Syrian Arab Republic to besieged and hard-to-reach communities countrywide.

⁴⁸ ICRC Rule 53.

⁴⁹ *Ibid.* at Rule 56.

⁵⁰ *Ibid.* at Rules 1 and 31.

convoys must be respected and protected.⁵¹ Attacking, destroying, removing or otherwise rendering useless objects which are indispensable to the survival of a besieged civilian population is further prohibited.⁵²

Hospitals, medical units, and medical personnel

36. Hospitals, medical units, and medical personnel are afforded “special protection” under IHL as a result of their specific humanitarian function, and parties to a conflict must take additional, specific measures prior to targeting, directly or indirectly, such objectives.

37. Medical personnel exclusively assigned to medical duties must be respected and protected in all circumstances.⁵³ Medical personnel lose their protection if act outside their humanitarian function, for example by taking a direct participation in hostilities.⁵⁴ Punishing an individual for performing his/her medical duties compatible with medical ethics, such as committing acts of reprisal on doctors, is further prohibited.⁵⁵ Common Article 3 requires that the wounded and sick, including fighters rendered hors de combat, are collected and cared for, and specifically protects such persons from violence to life,⁵⁶ while customary IHL requires that parties to a non-international armed conflict may only treat injured persons differently based on medical grounds.⁵⁷

38. Medical units exclusively assigned to medical purposes must be respected and protected in all circumstances, however lose their protected status if they used outside their humanitarian function to commit acts harmful to the enemy.⁵⁸ Medical transports assigned exclusively to medical transportation such as ambulances must be respected and protected in all circumstances. Medical transports also lose their protection when being used outside their humanitarian function to commit acts harmful to the enemy.⁵⁹

39. Attacks directed against medical personnel and objects displaying the distinctive emblems of the Geneva Conventions in conformity with international law are prohibited.⁶⁰ The display of a distinctive emblem to signify the protected status of a location is not required however in conflicts where hospitals are deliberately targeted.⁶¹ Stated another way, the emblem is not a compulsory condition for the right to protection. While medical personnel as well as hospitals, medical units, and transport may be made the object of attack when used outside their humanitarian function for military purposes. Protection only ceases after a warning has been given, with a reasonable time-limit where appropriate, and after such warning has remained unheeded.⁶²

⁵¹ Ibid. at Rule 32.

⁵² Ibid. at Rule 54.

⁵³ Ibid. at Rule 25.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. at Rule 26.

⁵⁶ See Article 3 Common to the Geneva Conventions, available in, e.g., International Committee of the Red Cross (ICRC), Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War, 12 August 1949, 6 U.S.T. 3516, 75 U.N.T.S. 287 at Art. 3.

⁵⁷ ICRC Rule 110.

⁵⁸ Ibid. at Rule 28.

⁵⁹ Ibid. at Rule 29.

⁶⁰ Ibid. at Rule 30.

⁶¹ Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, 17 October 1987, at ¶ 4742, available at www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/Commentary_GC_Protocols.pdf. The Commission has determined that “Government forces targeted hospitals and medical clinics in areas not under their control” in Aleppo city. See A/HRC/31/68, at para. 60.

⁶² ICRC Rule 28.

Prohibited weapons

(a) *Chemical weapons*

40. The Syrian Arab Republic ratified the Chemical Weapons Convention (CWC) in 2013, following findings by the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons that Government forces had used chlorine bombs at an earlier phase in the conflict.

41. The use of chemical weapons are prohibited in both international and non-international conflicts as they cause superfluous injury and unnecessary suffering and are by their very nature indiscriminate because the effects cannot be limited in time and space.⁶³

42. The use of weapons in densely-populated areas which are by nature indiscriminate and whose effects cannot be limited as required by international humanitarian law is prohibited.⁶⁴ As the dispersal pattern of gas found in chlorine bombs cannot be controlled, their use throughout residential areas in eastern Aleppo city amounts to the war crime of indiscriminate attacks in a civilian populated area. Certain state practice further prohibits the use of chemical weapons as being of a nature to cause superfluous injury or unnecessary suffering.⁶⁵

(b) *Cluster munitions*

43. Cluster munitions are defined as “a conventional munition that is designed to disperse or release explosive sub-munitions each weighing less than 20 kilograms, and includes those explosive sub-munitions.”⁶⁶ Such weapons typically have a wide dispersal pattern and high dud rate which continues to endanger civilians years after a cessation of hostilities.

44. Neither the Syrian Arab Republic nor the Russian Federation are states party to the Convention on Cluster Munitions. Nevertheless, the use of cluster munitions in civilian-populated, urban areas violates customary IHL principles of distinction⁶⁷ and proportionality,⁶⁸ due to the wide dispersal pattern and high dud rate noted above. When used in densely-populated areas such weapons are inherently indiscriminate.⁶⁹

(c) *Incendiary munitions (including incendiary cluster munitions)*

45. The anti-personnel use of incendiary weapons is prohibited, unless it is not feasible to use a less harmful weapon to render a person hors de combat.⁷⁰ Particular care must be taken to avoid, and in any event to minimize, incidental loss of civilian life, injury to civilians, and damage to civilian objects when incendiary weapons are used in armed conflict.⁷¹

⁶³ Ibid. at Rule 74.

⁶⁴ Ibid. at Rules 12 and 71.

⁶⁵ Ibid. at Rule 70.

⁶⁶ Convention on Cluster Munitions, CCM/7, Dublin, 30 May 2008, at art. 2, available at [http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/\(httpAssets\)/CE9E6C29A6941AF1C12574F7004D3A5C/\\$file/ccm77_english.pdf](http://www.unog.ch/80256EDD006B8954/(httpAssets)/CE9E6C29A6941AF1C12574F7004D3A5C/$file/ccm77_english.pdf).

⁶⁷ ICRC Rules 1 and 7.

⁶⁸ Ibid. at Rule 14

⁶⁹ Ibid. at Rules 11, 12, and 71. See also the United Nations Sub-Commission on Human Rights, Res. 1996/16 and UN Secretariat, Existing rules of international law concerning the prohibition or restriction of use of specific weapons, Survey, at § 380.

⁷⁰ ICRC Rule 85.

⁷¹ ICRC Rule 84.

Human shields

46. The use of human shields has been defined as “the placement or detention of persons in areas where they may be exposed to combat operations, for the purpose of rendering certain areas or activities immune from military operations or armed attack . . .”⁷² Notably “[t]he prohibition of the use of human shields is not dependent on actual harm or attack,”⁷³ but only that the perpetrator must intend to shield a military objective from attack or shield, favour, or impede military operations.⁷⁴

47. The deliberate violation of the obligation to take all feasible precautions against the effects of attacks is often related to the use of human shields. With respect to non-international armed conflicts, such practice is prohibited by the requirement that parties to the conflict must take all feasible precautions to protect the civilian population and civilian objects under their control against the effects of attacks.⁷⁵ In addition, international case law has confirmed the obligation under international human rights law to take positive steps to protect life.⁷⁶ While IHRL does not explicitly prohibit the use of human shields, this practice would constitute, among other violations, a violation of the right to not be arbitrarily deprived of the right to life.

Use of civilian buildings for military purposes

48. Warring parties are required, to the extent feasible, to avoid locating military objectives within or near densely populated civilian areas.⁷⁷

Treatment and Care of the Wounded and Sick

49. A “double-tap” airstrike is one in which a second attack on a target/area follows shortly after the first, having the effect of killing and injuring those who came to provide aid to, mourn, or remove bodies of the victims of the first attack. Double-tap airstrikes may therefore violate the IHL obligation to collect and care for the wounded and sick.⁷⁸ The presence of humanitarian aid workers carrying out their humanitarian function during a “double-tap” airstrike may also constitute a violation of the obligations to respect and protect civilian humanitarian relief personnel,⁷⁹ as well as to respect and protect objects used for humanitarian relief operations such as humanitarian aid convoys.⁸⁰

Forced displacement

50. Parties to a non-international armed conflict may not order the displacement of a civilian population, in whole or in part, for reasons related to the conflict, unless the security of the civilians involved or imperative military reasons so demand.⁸¹

51. The United Nations Economic and Social Council’s Guiding Principles on Internal Displacement provide secondary obligations including by noting that national authorities have the primary duty and responsibility to provide protection and humanitarian assistance

⁷² ICTY, *Prosecutor v. Radovan Karadžić*, Judgement - Four volumes compiled, IT-95-5/18-T, 24 Mar 2016, at p. 199, para. 525 (internal citations omitted).

⁷³ Ibid. (internal citations omitted).

⁷⁴ Ibid. at para. P. 199-200, para 526 (internal citations omitted).

⁷⁵ ICRC Rule 22.

⁷⁶ See, e.g., Ibid. at Commentary to Rule 97.

⁷⁷ Ibid. at Rule 23.

⁷⁸ Ibid. at 110; see also Common Art. 3.

⁷⁹ Ibid. at Rules 1 and 31.

⁸⁰ ICRC Rule 32.

⁸¹ Ibid. at Rule 129(b).

to internally displaced persons within their jurisdiction.⁸² The authorities undertaking displacement must further ensure, to the greatest practicable extent, that proper accommodation is provided to the displaced persons, that such displacements are effected in satisfactory conditions of safety, nutrition, health and hygiene, and that members of the same family are not separated.⁸³

Forced conscription

(a) Adults

52. The Constitution of the Syrian Arab Republic in its article 46 states that “[c]ompulsory military service shall be a sacred duty and is regulated by a law” for all men over the age of 18 years. Syrian women are not required to perform compulsory service, though they may volunteer to serve. Conscientious objection to military service is based on the right to freedom of thought, conscience and religion, set out in the Universal Declaration of Human Rights and the ICCPR.⁸⁴ The right to conscientious objection to military service is a right implicitly derived from an interpretation of the right to freedom of thought, conscience and religion, and the Human Rights Committee has interpreted the right to freedom of thought, conscience, and religion and its application to in relation to conscientious objection to military service.⁸⁵ Forced conscription may therefore violate this right.

(b) Minors

53. The Convention on the Rights of the Child (“CRC”), to which the Syrian Arab Republic is a state party, generally defines a child as any person under the age of 18.⁸⁶ With respect to armed conflict, however, the Convention draws its language from the Protocols to the Geneva Conventions, and consequently sets the lower age of 15 as the minimum for recruitment or participation in armed forces, though, when between 15 and 18 years, states parties shall endeavour to give priority to those children who are oldest.⁸⁷ The Optional Protocol to the CRC, which the Syrian Arab Republic adopted in 2003, sets – without reservation – 18 years the minimum age for direct participation in hostilities, for recruitment into armed groups, and for compulsory recruitment by governments.

⁸² See Report of the Representative of the Secretary-General, Mr. Francis M. Deng, submitted pursuant to Commission resolution 1997/39. Addendum: Guiding Principles on Internal Displacement, Annex, Guiding Principles on Internal Displacement, E/CN.4/1998/53/Add.2, at Principle 3.

⁸³ Ibid. at Principle 7(2).

⁸⁴ Universal Declaration of Human Rights, 10 December 1948, 217 A (III), at art. 18; see also ICCPR at. art. 18.

⁸⁵ In General Comment No. 22 (1993), at para. 11, the Human Rights Committee stated “[t]he Covenant does not explicitly refer to a right to conscientious objection, but the Committee believes that such a right can be derived from article 18, inasmuch as the obligation to use lethal force may seriously conflict with the freedom of conscience and the right to manifest one’s religion or belief.”

⁸⁶ Convention on the Rights of the Child, adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989, entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49, at art. 1.

⁸⁷ Ibid. at. art. 38(3).

Annex II

Map of the Syrian Arab Republic

Map No. 4204 Rev. 3 UNITED NATIONS
April 2012

Department of Field Support
Cartographic Section

Annex III

Map of Aleppo city and environs

Annex IV

Map of Aleppo city

